

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

ДАР
ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

АБИССИНСКОЕ
ЗАКЛИНАНИЕ

Новый двойной артефакт & детектив

Наталья Александрова

**Дар царицы Савской.
Абиссинское заклинание**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Дар царицы Савской. Абиссинское заклинание /
Н. Н. Александрова — «Эксмо», 2024 — (Новый двойной
артефакт & детектив)

ISBN 978-5-04-200272-4

«Дар царицы Савской» Царица Савская подарила мудрому Соломону в награду за его любовь кольцо, дающее долголетие и молодость. Спустя много лет наложница сына царицы Савской, узнав о подарке, решила выкрасть кольцо и передать своему возлюбленному... Раздавала подарки и богатая вдова Голубева. На старости лет она приехала на родину и неожиданно умерла, а по завещанию все состояние отошло неизвестной фирме... Получившая задание расследовать это дело Ксения узнает, что у старухи была своя тайна, ради которой она вернулась в город... «Абиссинское заклинание» Алене крупно не повезло: поругавшись в парнем, она села не в то такси, и ее отвезли в заброшенную промзону, где ее заgrimировали под пропавшую дочь известного бизнесмена и заставили зачитать текст от лица похищенной. Алене повсюду попадаются 5 различных материалов со странной волшебной надписью... Испокон веков существует магический палиндром из пяти волшебных слов, обладающий необыкновенной властью. Тот, кто соберет все пять кусков головоломки, способен стать богом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200272-4

© Александрова Н. Н., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Дар царицы Савской	7
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталья Александрова
Дар царицы Савской.
Абиссинское заклинание

© Александрова Н. Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Дар царицы Савской

Поезд затормозил и остановился.

Тотчас же открылась дверь второго вагона, на перрон выскочил проводник в нарядном форменном кителе, огляделся. В дверях вагона появился второй проводник и начал передавать первому один за другим роскошные чемоданы из мягкой желтой кожи. Чемоданов этих было великое множество.

Спустя минуту или две на перрон величественно сошла маленькая стройная женщина, похожая на старинную куклу с белоснежным фарфоровым личиком, в изумительном светло-бежевом костюме и крошечных изящных туфельках, с аккуратно уложенными платиновыми волосами. Встав чуть в стороне от вагона, она внимательно наблюдала за продолжающейся выгрузкой чемоданов, время от времени покрикивая на проводников:

– Это сюда... не сюда, болван! Осторожнее! Там хрупкие вещи! Вы мне все побьете!

– Поезд отходит! – испуганно пролепетал один из проводников.

– Так поторопитесь! И никуда он не отойдет, пока вы не выгрузите все чемоданы!

Наконец выгрузка была благополучно завершена. Как вставная челюсть, лязгнули буфера, и поезд поплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость. Последний проводник вскочил в вагон на ходу. На лице его явственно просматривалось облегчение, как у человека, снявшего наконец тесные ботинки. Жизнь прекрасна!

Маленькая женщина осталась среди груды чемоданов. С величественным видом она огляделась и наконец увидела группу людей, сгрудившихся возле начала платформы и боязливо наблюдавших за ее прибытием.

– Ну, вот и я! – проговорила она со снисходительной насмешкой. – Кто-нибудь займется моим багажом?

Встречающие наконец ожили, как Спящая Красавица после поцелуя принца, заговорили, двинулись к ней, ускоряя шаг, отталкивая друг друга и забегая вперед.

– Тетя Аня! – проговорил, подходя к ней первым, довольно-таки незаметный мужчина лет сорока с невыразительным лицом. – Я – Григорий...

– Гришенька! – выдохнула маленькая женщина – и лицо ее поразительным образом изменилось. Оно покрылось едва заметными трещинками, как разбитая и заново склеенная фарфоровая чашка – и сразу стало понятно, что этой женщине много, очень много лет. Как минимум далеко за восемьдесят. А может быть, и все девяносто.

– Гришенька, сколько же лет я тебя не видела? Дай подумать... почти сорок! Ты был совсем малюткой... я помню, как подарила тебе игрушечную шарманку... ты ходил по дому, крутил ручку, и шарманка издавала такой ужасный звук... Лена, твоя мама, еще спрашивала – какая зараза подарила эту шарманку... Я, говорит, готова ее убить собственными руками. А мой муж признался, что это я... было очень смешно смотреть, как изменилось ее лицо...

– Да-да... – рассеянно пробормотал Григорий, и по лицу его пробежала непонятная тень, отчего он ослабил внимание и позволил вырваться вперед другой встречающей.

– Здравствуйте, тетюшка! – прошептала с ненатуральным восторгом чуть полноватая крашенная блондинка, отгеснила Григория и клюнула старушку в щеку, оставив на этой щеке кроваво-красный отпечаток. – Надеюсь, вы благополучно доехали?

– Отвратительно! А ты еще кто такая? – удивленно проскрежетала приезжая, недовольно отстранившись и близоруко вглядываясь в блондинку. – Нюся? Дочка домработницы?

– Что вы, тетюшка! – блондинка вспыхнула. – Я Эльвира, жена вашего племянника Михаила! – Она бросила выразительный взгляд на мужчину средних лет, который тут же послушно приблизился, пригладил волосы пятерней и попытался шаркнуть ножкой, что у него не полу-

чилось. Он просто потоптался на месте, умудрившись наступить на ногу своей жене, отчего ее улыбка превратилась в оскал гиены.

– Он мне никакой не племянник! – фыркнула старушка. – Он – племянник Николая Федоровича, моего покойного мужа! Кстати, всегда знала, что у Мишки отвратительный вкус! И Николай тоже так считал. Но на этот раз он, кажется, превзошел себя...

Помимо Григория и Эльвиры, на перроне толкалось еще пять или шесть человек – дряхлая старуха, одной рукой опирающаяся на суковатую палку, а другой – на плечо женщины средних лет с водянистыми рыбьими глазами и бледными, робко поджатыми губами; пожилой мужчина с умным, несколько обидчивым лицом, в приличном, хотя слегка поношенном костюме; две очень похожие женщины в районе пятидесяти, то и дело переглядывающиеся и перешептывающиеся.

Эта группа подошла позже, поскольку старуха со своей палкой перекрыла дорогу, и не было никакой возможности ее обойти. Впрочем, пожилой мужчина подчеркнуто держался чуть в стороне, соблюдая настороженную дистанцию.

– Кто-нибудь займется моими чемоданами? – строго осведомилась пожилая дама, которую никто в здравом уме не осмелился бы назвать старушкой.

– Сейчас, тетя Аня... – пропыхтел Григорий, ухватившись за один чемодан и безуспешно пытаясь сдвинуть его с места.

– Что ты, Гришенька? – Она снисходительно потрепала его по щеке. – Куда тебе! Да и что – никого другого не найдется?

– Михаил, чего ты ждешь? – строго окликнула Эльвира своего бессловесного супруга. – Ты же видишь, что твоей тетушке нужна мужская помощь? Впрочем, – добавила она вполголоса, – что я говорю... где здесь мужчина...

Она сказала это вроде бы про себя, чтобы услышал ее только муж, который давно уже не обращал внимания на ее слова. Или успешно делал вид, что не обращает. Но приехавшая пожилая дама обладала не по возрасту острым слухом, острым зрением и острым язычком. Кстати, последнее встречающие успели уже заметить.

Так что она слышала замечание Эльвиры и бросила быстрый взгляд на ее мужа, отметив неестественно равнодушное его лицо.

– Ну-ну... – пробормотала приехавшая действительно тихо, так что ее-то никто не услышал.

Эльвиру отпихнула женщина с водянистыми глазами, подведя к приехавшей старуху. Это никогда бы у нее не получилось, если бы старушенция как бы случайно не стукнула Эльвиру палкой по ноге. Эльвира взвизгнула и отскочила, потирая щиколотку.

– Анна Ильинична! – заговорила рыбоглазая женщина неуверенным голосом. – Вы, наверно, не помните мою маму... она... она ваша родственница... вашего дяди дочка...

– Двоюродного дяди, то есть, говоря прямо, седьмая вода на киселе, – поправила ее вновь прибывшая. – Отчего же не помнить? Я всех помню! У меня Альцгеймера пока что нет! Люба, Надя...

– Вера! – с готовностью подсказала женщина. – Вера Ивановна! А я – Василиса...

– Постой-постой! – весело удивилась Анна. – Так ты и есть ее дочка, которую она неизвестно от кого прижила? Тайный плод любви несчастной! Ну-ка покажись! – Она бесцеремонно повернула Василису кругом, привлекая к ней всеобщие взгляды, отчего та смутилась и еще больше побледнела. Стали заметны несвежая кожа, ранняя складка возле губ, сутулые плечи, обвисшая грудь...

– Да! – громко вынесла вердикт Анна. – Неказиста! Не могла уж Верка кого покрасивше выбрать, раз уж все равно безотцовщина!

Она повернулась к старухе и вдруг замолчала, взглянув в ее абсолютно пустые глаза.

– Ты кто? – громко спросила старуха, опершись на палку. – Ты Люся? Которая сметану молоком разбавляет? Или Таня из галантереи? Ты мне двадцать рублей сдачи недодала!

– Я Аня... – прибывшая неожиданно понизила голос. – Анна я... не узнаешь?

– Николая жена? – Теперь голос у старухи был совсем другой, почти нормальный.

– Вдова, – поправила ее приехавшая. – Умер Николай. Умер много лет назад.

Старуха резко отвернулась от нее и побрела прочь.

– Давно она так? – спросила Анна у ее дочери.

– Да уж, почитай, лет семь, как почти никого не узнает, только меня иногда... бывают просветления, но редко... – Из водянистых глаз Василисы брызнули слезы, и она бросилась вслед за матерью, поскольку та целеустремленно шла к краю перрона.

– Визит старой дамы! – усмехнулся пожилой мужчина приличного вида, стоящий чуть в стороне от остальных, и махнул рукой носильщику с тележкой, который маялся неподалеку в ожидании.

Носильщик принялся грузить чемоданы на тележку. Пожилой мужчина снова усмехнулся и добавил, ни к кому не обращаясь:

– Или, скорее, прибытие царицы Савской в Иерусалим...

Никто ему не ответил, все следили за носильщиком, который с трудом укладывал в тележку тяжеленные чемоданы.

Племянник Григорий порадовался, что догадался заказать приличную машину из гостиницы, представив, что сказала бы тетя, увидев его старенькую «Хонду». Идиот Мишка взял в кредит новый «Фольксваген Поло», чтобы ублажить эту стерву Эльвиру. Ей, конечно, и того мало, все равно всем недовольна, и как Мишка будет расплачиваться с такими грабительскими процентами, ей по фигу.

Ишь как вертится перед теткой, только что из платья не выпрыгивает. Думает, богатая тетка денег отвалит. Да жди, дождайся, тетка тебя насквозь видит. Мишка не ее племянник, а теткиного мужа дяди Коли. А тот давно умер, все свое состояние тетке оставил. Детей у них не было, так что он, Григорий, теперь главный наследник.

Эта дура Эльвира на чемоданы смотрит алчным взором. Да не туда смотреть надо! Самое-то богатство не в чемодане находится, а в двадцати километрах от города.

Ну да, там фабрика, которая тетке принадлежит по наследству. Дядя покойный серьезный был человек. Работал директором конфетной фабрики. Да в перестройку не растерялся и сумел ее приватизировать. И производство наладил. Конфеты были самые лучшие в регионе, сливочные, назывались «Коза-дереза». Григорию с детства они нравились. Название забавное, на фантике симпатичная коза нарисована, с колокольчиком на шее. У них в городе все про коз, все названия соответствующие. Ресторан есть «Серенький козлик», еще один – «Серебряное копытце». Потому что город так называется – Козловск. Старинный город, с историей, стоит на реке Козловке.

И кто бы знал, вдруг с тоской подумал Григорий, как ему этот старинный город осточертел. Вся эта красота провинциальная уже в печенках сидит, до зубовного скрежета надоели церкви и дома деревянные с наличниками.

И ведь уехал отсюда в юности, выучился, работу нашел в большом городе, так пришлось все бросить, как мать заболела. Отец-то еще раньше по пьяному делу в аварию попал со смертельным исходом, а мать написала ему, только когда совсем худо ей стало. Врачи сказали, что поздно операцию делать, но он все равно мать в Москву повез. Да толку-то... Только денег кучу истратил, в долги влез.

В общем, пока полгода тут с умирающей матерью провел, работа его прежняя в большом городе накрылась медным тазом. И Алинка ушла, ждать не захотела.

Вот так и получилось, что застрял он здесь на... да уж почти десять лет будет. Надо же, как время летит! Но теперь все будет по-другому, все изменится.

Он, Григорий, обалдел просто, когда тетя Аня позвонила из своей Америки или где там она живет. Приеду, говорит, через месяц, организуй встречу и жилье. Жить, говорит, буду у вас долго, может быть, вообще до конца. Хочу, говорит, поглядеть на родные места и дела в порядок привести. Лет, говорит, мне много, нужно перед смертью ничего недоделанного не оставлять.

Он-то, грешным делом, подумал, что и вправду тетка болеет и осталось ей немного, вот и хочет перед смертью на родные осины поглядеть. Ага, как же, эта и до ста лет запросто проживет, энергии еще на пятерых молодых хватит. А вот что с делами решила разобраться – это правильно. Давно пора. Не иначе как хочет ему фабрику завещать. И будет он не обычный менеджер по закупкам в мелкой оптовой фирме, а владелец фабрики.

И ничего, что фабрика сама давно на ладан дышит, производство на обе ноги хромает и в главном здании недавно крыша провалилась, хорошо, что никого не убило. Он, Григорий, кое-что в этих делах смыслит, разберется, как управлять. А не получится – так продать фабрику можно, ресторан купить или еще что. Вон, «Серебряное копытце» процветает, ну, там хозяйка толковая женщина, в бизнесе понимает, мужики у нее на подхвате, как сейчас говорят – «баба с яйцами».

Носильщик наконец загрузил свою тележку и с трудом покатил ее по перрону, напутствуемый истошными криками Эльвиры, чтобы смотрел в оба и не смел ничего уронить. Нет, ну до чего противная баба, хочет к тетке в душу влезть без мыла, да только ничего у нее не получится.

– Тетя Аня! – Григорий подал руку тетке. – Автомобиль ждет у выхода. Прошу!

– Идем, Гришенька, дорогой! – Она сделала вид, что опирается на его руку, хотя на самом деле могла бы прошагать весь перрон строевым шагом, как солдат на параде.

В гостинице не подвели, прислали вполне приличный «Мерседес», и водитель ждал у машины – симпатичный парень, белая рубашка, черные брюки, выбрит чисто. Тетка бросила на него один взгляд и осталась довольна. Хотя у нее не поймешь.

Григорий усадил тетку на заднее сиденье, сам, чуть поколебавшись, сел рядом, все же оглянувшись в последний момент. Оно того стоило: кислые морды провожавших подняли ему настроение.

На лице Эльвиры он прочел самую настоящую ненависть, ее муж вроде бы смотрел в сторону равнодушно, но никого это равнодушие не обманет. Бабка эта полоумная вдруг палкой своей замахнулась, дочка... как же ее... ну да, Василиса, еле успела палку перехватить, так бабка ее кулаком в живот ткнула. Надо же, вроде бы в маразме, а как ловко получилось, Василиса эта прямо скорчилась от боли, только что не заорала. Говорят же, что психи очень хитрые.

Старый хрен Роман Андреевич вроде бы в сторонке стоит и делает вид, что он тут вообще ни при чем, а сам губы обидчиво кривит. Вот он точно не родственник, а близкий друг дяди Коли покойного, вроде бы в школе они еще учились сто лет назад. Тетка и ему написала, всех хочет собрать, непонятно только зачем. Ну, у нее свои резоны, несомненно, есть, он, Григорий, не полный дурак, сразу понял, что тетка ничего просто так не делает.

Еще две бабенки сзади шеи тянут, пытаются теткин взгляд поймать. Ну, эти-то последние спицы в колесе. Еще когда здесь жили, была у дяди Коли домработница. Как раз в перестройку вывез он ее из деревни, откуда сам родом был. Какая-то она ему родня уж такая дальняя, что и не определить точно. Ну, в деревне все друг другу родня, и фамилия у этой Нюры была такая же, Голубева.

Григорий тогда маленький был, лет десяти, но помнит, как мать отцу рассказывала, что тетя Аня очень недовольна была, что домработница из деревни, да еще и родня дальняя, хоть и седьмая вода на киселе, нашему забору двоюродный плетень. Да еще и зовут так же, как ее, Анной. Но муж ее тогда строгость проявил, кулаком по столу стукнул, она и не посмела ему возражать. Серьезный был мужчина, и на фабрике у него все по струнке ходили.

Там в деревне беда случилась: у этой Нюры дом сгорел, и муж вместе с ним. Не то пьяный был, не то полез собаку спасать, в общем, сгорел. И собака тоже не вырвалась.

Осталась Нюра без дома и без мужа, да двое девчонок на руках. Вот дядя Коля и взял ее к себе домработницей. Дочки ее постарше Григория были – пятнадцать, шестнадцать, так что тетка условие поставила жесткое: чтобы в доме их не было. Мне, сказала, этих хихонек и хахонек не нужно, да еще парни начнут рядом вертеться.

Так что устроили девок в училище при фабрике, потом работу там же нашли. У них разница год или два, так вместе и прожили. Зовут Таня и Маня, а уж кто есть кто, сам черт не разберется. Мать их умерла давно, и зачем только тетка их позвала...

– Дорогие мои! – Прибывшая опустила окно. – Устала я с дороги, так что сейчас поеду в гостиницу. А завтра часиков с одиннадцати прошу ко мне с визитами. Не все сразу, я хочу с каждым поговорить отдельно. Так что до завтра...

– Приезд царицы Савской в Иерусалим, – снова усмехнулся пожилой мужчина приличного вида, но слова его потонули в выкриках небольшой толпы. Каждый старался перекричать другого и пожелать богатой гостье всего наилучшего.

– Тревога! Тревога! – Молодой стражник с округлившимися от волнения глазами тряс своего старого напарника, мирно дремавшего на посту возле Яффских ворот.

– Что такое? Что случилось?

– Вон, сам погляди! К городу приближается вражеское войско! Нужно дать знать начальнику караула, нужно поднять по тревоге всю городскую стражу...

– Да с чего ты взял?

– А ты сам погляди...

Вдали над дорогой поднимались клубы пыли, сквозь которые проступали смутные силуэты всадников. Постепенно усиливаясь, раздавалось приближающееся конское ржание, топот копыт, гортанные голоса погонщиков, хриплые, полные страстного нетерпения крики верблюдов.

– С чего ты взял, что это вражеское войско? Это самый обычный торговый караван!

– Торговый караван? Когда ты видел такие огромные караваны? Их тысячи, тысячи!

Облака пыли приближались, и теперь можно было разглядеть оскаленные морды коней, пышные головные уборы всадников, разноцветные украшения верблюжьей сбруи. Можно было даже почувствовать плывущий в воздухе аромат пряностей и благовоний, перекрывающий запахи конского пота и верблюжьей шерсти.

– И правда караван! – изумленно проговорил старый, опытный стражник. – Только вряд ли торговый... и ты прав – нужно сообщить о нем начальнику городской стражи!

Прошло совсем немного времени, и невиданный караван остановился неподалеку от городских ворот Еришалаима. Теперь зеваки, собравшиеся на стенах города, как галки на крыше храма, такие же любопытные и такие же крикливые, могли разглядеть сотни верблюдов с понишими от долгого пути горбами, сотни верблюдов в богато расшитых узорчатых пополах, с поводьями, украшенными серебряными колокольцами и разноцветными шерстяными кистями. Могли разглядеть их погонщиков в богато расшитых бурнуссах, могли разглядеть тысячи тяжелых вьюков с невиданными товарами. Могли разглядеть они и гарцующих вокруг каравана всадников на белоснежных йеменских конях – бравых всадников в кожаных нагрудниках, в бронзовых шлемах, обвитых цветными шелковыми платками, с кривыми дамасскими саблями, заткнутыми за пояс.

Яффские ворота приоткрылись на четверть, и из них навстречу невиданному каравану выехал начальник городской стражи – рослый, закаленный в боях воин с изуродованным шрамами лицом, в бронзовом колпаке и красном, расшитом ливанским серебром плаще.

Навстречу ему подъехал пузатый, пожилой, седобородый человек в яркой чалме, в покрытом пылью, выцветшем от солнца дорожном плаще, придержал коня, поклонился:

– Мир тебе, друг! Мир и привет!

– Мир и тебе, – осторожно ответил начальник стражи. – Кто вы такие и с чем приехали в великий город Еришалаим? С добром ли прибыли вы в наши благословенные края?

– Мы – свита Балкиды, великой и славной царицы савеев. Госпожа наша – свет и краса мира, прекраснейшая из прекрасных и мудрейшая из мудрых. Она услышала о том, что в Еришалаиме на золотом престоле восседает царь Соломон, мудрость которого затмевает все, о чем только можно помыслить, и захотела своими глазами увидеть вашего царя и ощутить на себе свет его мудрости. Царица Балкида собрала этот маленький караван и прибыла сюда со своими скромными подарками. Будет ли угодно царю Соломону удостоить ее своей милости, встретиться с ней и принять ее ничтожные дары?

С этими словами пузатый вельможа повернулся к каравану и хлопнул в ладоши. И тотчас вперед выбежали восемь могучих чернокожих рабов, которые несли резные носилки из слоновой кости, на которых возвышался украшенный золотом и драгоценными камнями паланкин. Край шелкового занавеса, закрывающего паланкин, едва заметно приподнялся, и показалась маленькая, изящная женская рука, украшенная многочисленными перстнями в сверкающих самоцветах. Рука эта была белее мрамора из тирских каменоломен, а крошечные ногти были розовыми, как лепестки дамасской розы.

Женская рука сделала властный жест и тут же скрылась.

Молодой стражник, первым увидевший приближающийся караван, разглядел эту руку – и сердце его мучительно заныло. По этой руке он смог вообразить всю царицу, прекрасную, как перышки из старинных сказок, и такую же недоступную. С этого дня и до самого конца жизни он был обречен мечтать о прекрасной и недостижимой царице.

– Именем великого царя Соломона, – торжественно провозгласил начальник стражи, – предлагаю вам прием и гостеприимство, достойные величия царицы Савской! – И с этими словами он подал знак слугам ворот.

По этому знаку ворота широко распахнулись, и караван втянулся в городские стены Еришалаима.

Впрочем, он входил в город очень долго.

Сначала в ворота въехали статные всадники царской гвардии на белоснежных арабских конях, затем вбежали неутомимые носильщики с паланкином, в котором, незримая, восседала сама царица, затем проследовали еще несколько десятков всадников, и наконец потянулись бесчисленные вьючные верблюды, накрытые пурпурными попонами, отягощенные тяжелыми вьюками, а также мулы с золотыми бубенчиками на упряжи. Везли они много чудесных и необыкновенных вещей – кувшины с благовониями, обезьян и павлинов в золоченых клетках, райских птиц в разноцветном оперении. Тут же шли чернокожие прислужники в белых одеждах, которые вели ручных тигров и белоснежных барсов на серебряных цепочках.

Горожане в упоении разглядывали невиданный караван, они гадали, что привезли эти удивительные люди, что таится в тюках и коробах, в глиняных сосудах и медных кувшинах, которыми были нагружены утомленные верблюды и белоснежные мулы. Арабские благовония? Китайские шелка? Драгоценные камни из Индии? Слоновая кость из черной Нубии? Жемчуг из полуденных морей? Золото из тех мест, о которых рассказывают в старинных сказках?

– Вот так-то, Гришенька, хорошо меня встретили, – заметила тетка, когда машина тронулась с места, и непонятно было, говорит она с иронией или серьезно. Не научился еще Григорий быстро определять ее интонации, давно они не виделись, да и когда уехали дядя с теткой за границу, его здесь не было.

Потом мать рассказывала, что пошло дело на фабрике плохо. То есть управлял-то дядя Коля хорошо, но вот возникли на горизонте какие-то молодые да ранние, а проще сказать – бандиты, и захотели фабрику отжать. Сначала осторожно так предложили, чтобы их в долю взяли, потом в открытую наезжать начали.

Ну, Николай Голубев был в городе Козловске человек известный, начальство все у него в друзьях ходило. Вместе на охоту, на рыбалку, и прокурор, и начальник полиции лучшие друзья были. А проблема-то была в том, что и этих потихоньку подвинули, кто-то сам в отставку ушел, кого-то ушли со скандалом, одному несчастный случай устроили. И остался дядя Коля без поддержки.

Это все мать потом рассказывала, тетя Аня с ней перед отъездом поделилась, сестры родные все-таки. Тогда слухи ходили, что заправляет всеми бандитами один такой... кличка у него была Парашют, уже непонятно с чего. Молодой, нахрапистый, ничем не гнушался, хотел весь город под себя подмять.

Но дядя Коля человек был умный и предусмотрительный, оценил свои силы и понял, видно, что не выстоять ему, когда однажды попал в аварию. Кто-то на машине тормоза испортил, они и врезались в остановку автобусную.

Шофер умер в больнице, а дядя Коля легкими ушибами отделался. И начал, видно, потихоньку к отъезду готовиться. Кое-какие средства за границу перевел, еще кое-что сделал. А потом объявил всем, что в отпуск в деревню уезжает. Каждый год туда ездил, родительские могилы навещал. Мать Григорию рассказывала, что ей сестра так и сказала, она и не догадывалась, что на самом деле будет.

И вот наутро им уезжать, а ночью дом запылал. Пока пожарные приехали, там уж крыша рухнула, не войти было. Ну и думали, что сгорели родственники, потому как машина их в гараже была.

Но когда завалы разобрали, то никого не нашли. Домработница Нюра тогда в деревне была, они ее заранее послали, чтобы там дом к их приезду приготвила.

Оказалось, глубокой ночью сели Голубевы в скорый поезд, что десять минут на их станции стоит, да и рванули в Москву. А оттуда уж на самолете за границу. В Москве у дядьки, наверно, кто-то был, потому как через три дня приезжает в Козловск адвокат с доверенностью и всеми нужными документами. Да не один, а с поддержкой. И Парашюту, который на фабрику приперся, было сказано прямо:

– Это ты тут, в Козловске, что-то из себя представляешь. А с серьезными людьми лучше тебе не связываться. Если не хочешь отправиться раньше времени на тот свет.

Убедили, в общем. А через два года его в разборке какой-то подстрелили. А фабрика потихоньку работала, но потом все хуже и хуже стало, потому что бизнес, конечно, пригляда требует. Он, Григорий, это хорошо понимает.

Тетка вертела головой, рассматривая, что стало с городом за время ее отсутствия. Ну, отстроили, конечно, главную улицу сделали для туристов пешеходную, там магазинчики сувенирные, кафе с террасами, цветы... в конце улицы церковь. Стоит белая, недавно отремонтировали, и солнце заходящее в куполах отражается.

– Красиво? – не выдержал Григорий.

– Да-да... – рассеянно ответила тетка, – а скажи, пожалуйста, что с нашим домом, совсем заброшен?

– Ну-у... – Григорий замялся, потому что понятия не имел что, знал только, что опять-таки по распоряжению адвоката в свое время дом не то чтобы отремонтировали, но заново покрыли крышей, чтобы стены не прогнили, убрали балки обгоревшие и наняли даже сторожа, тихого, умеренно пьющего старичка, который жил в сарайчике у ворот и потихоньку в доме прибирался и сад в относительном порядке содержал. А потом он вроде умер, и кто там теперь присматривает, он, Григорий, и знать не знает.

– Стоит дом, не развалился... – неопределенно ответил Григорий.

– Приехали! – Водитель с шиком затормозил у гостиницы.

Гостиница называлась «Золотые рога», и на вывеске был изображен самый настоящий козел с огромными позолоченными рогами. Смотрел козел сурово, без улыбки, и поговаривали, что здорово он похож на хозяйку гостиницы мадам Копытину. Все тут ее – и гостиница, и ресторан внизу, тот самый, «Серебряное копытце». Серьезная женщина, у нее не забалуешь, бизнес свой держит железной рукой.

Однако не поленилась, сама на крыльцо вышла богатую клиентку встретить и приветливую улыбку изобразила.

Еще бы, тетка у нее весь второй этаж сняла, четыре самых лучших номера. Чтобы, говорит, никто меня не беспокоил, мимо не шнырял, в двери не совался вроде бы по ошибке. Знаю я, говорит, эти провинциальные гостиницы, никакого порядка.

Ну, Григорий, когда с хозяйкой договаривался, этих теткинских слов, конечно, передавать не стал, так что все хорошо вышло.

Сейчас он из машины вышел, тетке выйти помог заботливо, но ненавязчиво.

– Добрый вечер, Елена Васильевна!

– И вам тоже, Григорий Николаевич! – ответила хозяйка приветливо, и улыбка стала еще шире.

Ого, даже его отчество помнит! Прежде-то в упор его не замечала, да и не сталкивались они никогда. Что общего может быть у скромного менеджера по закупкам и такой состоятельной женщины? Ничего. А теперь... глаз у нее алмаз, знает, что скоро станет он хозяином фабрики, важным человеком.

Он представил тетку и проводил ее в номер. Тут как раз и багаж подвезли.

Номер у тети Ани большой, комнаты просторные, пахнет свежестью. Потолки высокие, в этом доме когда-то давно купец богатый жил. Ну, с тех пор, конечно, все перестроили, но кое-что просто подновили. Потолки, к примеру, нимфами пышнотельными расписаны были, так отреставрировали их. Люстры тоже под старину, с завитушками, занавеси бархатные, с бомбошками.

Тетя Аня, увидев все это великолепие, только хмыкнула про себя и пробормотала что-то вроде «а ля русс!».

– Ох, устала я что-то! – сказала утомленно и присела на диван.

– Тогда я пойду? Если вам, конечно, ничего не нужно! – сказал Григорий, помня, что навязываться тетке никак нельзя, от этого еще мать в свое время его предостерегала в детстве.

– Сядь пока. Вот что, Гришенька, – начала она, – ты, милый, завтра не приходи с визитом. Это все для них устроено! – она махнула рукой в сторону окна. – А с тобой у нас потом будет разговор отдельный, серьезный. А пока вот возьми на память... – она протянула ему простую квадратную коробочку. – Тут часы. Николай Федорович, дядя твой, очень ими дорожил, всегда носил. Такая уж у него была привычка. Так что вот тебе на память... – она открыла коробочку.

Часы были самые простые, стальной корпус, круглый циферблат, стальной же браслет, который пришелся Григорию впору. Он был начеку и сумел не выразить на лице разочарования.

– Спасибо. Я тоже всегда их носить буду, раз дядина память. Для меня это очень важно.

– Иди уж, а я отдохну.

Григорий приложился к сухой теткиной щеке и вышел не оглядываясь.

Чтобы дядька носил такое барахло? Да ни в жизнь не поверю, он же богатый был человек! Какие-то деньги сумел за границу перевести и там с бизнесом раскрутился. Конечно, не миллиардер, но все же тете Ане кое-что оставил. И немало, судя по всему. А вот интересно, кому старая выжига эти деньги завещает?

– Дорогая, помоги мне завязать галстук! – пропыхтел Михаил, отступив от зеркала и склонив голову к плечу.

– Галстук? А зачем тебе галстук?

– Как – зачем? Я думаю, тетя Аня – человек старой закалки, и она оценит... Нужно прилично одетым быть, вот, я брюки от костюма даже отпарил...

– А куда это вообще ты собрался?

– Как – куда? Ты ведь сама сказала, что мы должны нанести тетушке визит... визит вежливости... что это очень важно... И она сама приглашала нас вчера...

– Да, это важно. Но я не помню, чтобы сказала «мы». Я пойду одна. Ты, как всегда, все только испортишь. Будешь стоять столбом и смотреть в пол, слова умного не скажешь.

– Но, Вирочка, в конце концов, это же моя тетя!

– А какая разница? Тем более что ты ей не родной племянник, а ее мужа, давно, кстати, покойного. В общем, ты будешь только мешать, а я сумею поговорить с ней как женщина с женщиной. И не спорь, ты только мешаешь мне собираться! – Эльвира щедро опрыскала себя пряными духами.

– Делай как знаешь... – тут же поскущел ее муж, который терпеть не мог этот запах. Но притворялся, что ему все равно.

– Мама, доедай скорее кашу, мы торопимся! – в который раз повторила Василиса, с тоской думая, что все зря.

Зря она подгоняет мать, теперь она нарочно будет есть эту несчастную кашу в час по чайной ложке. Да и не ест, а больше по столу размазывает. Хорошо еще, что на пол не плюется, бывает и такое. Но это когда Василиса полы вымоет. Так что она уж месяц, наверно, полы не мыла, так, подметет наскоро, да и ладно.

Живут они с матерью в деревенском доме, что от бабушки остался, хорошо, что в черте города. Удобств никаких, как в каменном веке, спасибо, что кран с водой во дворе имеется. И лето сейчас, так хоть печь топить не надо.

Василиса тяжело вздохнула и оглядела захлавленную, запущенную комнату.

Мать не разрешает ничего выбрасывать, весь угол бабушкин комод занимает, да печка, да кровать с никелированными шишечками. Ночью скрипит ужасно, Василиса из другой комнаты слышит. Еще мать храпит так, что стены трясутся. Душно тут, окошки крошечные. Хоть помыть их... а, надоело все!

Есть у них и квартира двухкомнатная в большом доме, жили они там, пока мать совсем с катушек не сошла. Пришлось съехать оттуда и сдавать ее, чтобы с голоду не умереть, потому что с работы Василиса уволилась. Нельзя мать такую одну оставлять, она может дом спалить или голой на улицу выйти. Бывали уже случаи...

Мать уронила ложку на пол, и Василиса очнулась от безрадостных мыслей.

– Мама, – спросила она, – ты наелась? Тогда давай оденемся и пойдем.

– Куда? – требовательно спросила мать. – В магазин? Сама сходи. Я не хочу.

– Гулять пойдем! – сказала наученная горьким опытом Василиса. – Сядем на лавочку, будем песни петь.

– Ну ладно... – Мать с грохотом швырнула на пол алюминиевую миску из-под каши.

«Господи, и когда это кончится!» – вздохнула дочь.

– Ну что, Машка, – спросила Татьяна, тщательно рисуя перед зеркалом изрядно поредевшие брови, – пойдем к хозяйке бывшей на поклон? Как она вчера сказала – с визитом?

– Может, не надо?.. – протянула ее сестра. – Зачем мы туда пойдем? Что мы ей скажем?

– Ну, вот еще, не ходить! Зря я, что ли, с Райкой Саватеевой сменами поменялась? У нее мужик из командировки вернулся, а ей в ночную идти! Говорит, если ее дома не будет, он

обязательно по бабам побежит! А то и домой какую-нибудь приведет. Так что как раз удачно вышло, успеем мы к тете Ане зайти!

– Какая она нам тетя? – фыркнула Мария. – Мы ей не родня, это дядя Коля покойный родственником считался.

– Считался? – Татьяна провела неудачную линию, чертыхнулась и бросила карандаш. – Да какая он нам родня! Как в деревне баба Катя говорила – наш плетень горел, а ихний дед задницу грел! Тоже мне, осчастливил, облагодетельствовал, взял мать в прислуги. Лет пятнадцать мать на него горбатилась, все придирки его жены сносила, а что получила взамен?

– Ну, деньги он ей платил по тем временам хорошие, жила на всем готовом, на еду не тратилась, хозяйка хоть и вредная, а кой-какую одежду нам отдавала.

– Ага, обноски всякие!

– Ну, Танька, ты даешь! Сама за шмотки импортные готова была в ножки ей кланяться! А помнишь, как мы с тобой из-за кофточки подрались?

– Помню, и кофту изорвали, никому она не досталась, – хмуро ответила Татьяна.

– И зря ты на дядьку покойного злишься, все-таки вытащил он нас из деревни. Там бы мы как жили? Папаша вечно пьяный, он и дом-то по пьянке поджег, заснул с папирсой. И Жулька сгорела...

– Вечно ты эту пустолайку вспоминаешь! Тьфу на нее!

– А я знаю, отчего ты из деревни уезжать не хотела, – после некоторого молчания сказала Мария, – все Вовку Шушлякова забыть не могла. Видела я, как ты к нему ночами на сеновал лазала. А потом к бабке Алене бегала, чтобы выкидыш вызвать.

– Ну да, дала бабка травки какой-то, все и вышло... – неохотно призналась Татьяна. – А с Вовкой у нас любовь была с четырнадцати лет, я, может, если бы в деревне осталась, замуж бы за него вышла! Другую бы жизнь прожила!

– Да ладно, его в армию забрали, он с тех пор и глаз в деревню не казал! В городе все же лучше, чем в деревне в навозе ковыряться, коровам хвосты вертеть.

– Да чем лучше? – Татьяна снова схватила карандаш. – Как мы жили? Сначала в общегитии при фабрике шесть девок в комнате. Потом, когда хозяева смотались, маманьку чуть не на улицу выбросили!

– А вот не ври! Дом сгорел, и оказалось, что дядя Коля маме квартиру однокомнатную выбил перед отъездом.

– Ага, халупу эту несчастную, где мы сейчас живем? – Татьяна снова в сердцах бросила карандаш. – Как мать парализовало, так мы сюда переехали. Ты вспомни еще, когда мы втроем тут помещались! Друг у друга на голове! Мать стонет, запах от нее жуткий, окна открыть нельзя – ей сквозняки вредны... А потом, как мать похоронили, ну что это за жизнь в однушке-то. Мужика не приведешь...

– Тебе лишь бы мужика привести! – Мария наконец потеряла терпение. – Как начала в четырнадцать лет – так остановиться не можешь, маманька, может, из-за этого и в могилу раньше времени сошла! Сколько ей крови попортили жены твоих хахалей!

– Да где же я неженатых-то возьму? – искренне удивилась Татьяна. – Как кто поприличнее – так обязательно с хомутом на шее! Ладно, идем к хозяйке бывшей! Может, она раздобрытся и кой-какое жильё нам отпишет! У нее, говорят, денег – куры не клюют. А куда ей? Оставить некому, а с собой в могилу не унесешь...

– Ну не знаю... – Мария с сомнением поджала губы. – С чего это ей вдруг нам такие подарки делать? Мы ей никто, и маманьку она всегда не любила...

Эльвира вошла в большую комнату, которая в этом номере исполняла роль гостиной, и быстро, незаметно огляделась. Ей показалось, что номер шикарный: в глаза так и бьет позолота и дорогая обивка на мебели. Да, вот если бы в таком номере они встречались с... Нельзя про-

износить его имя даже в мыслях, он строго запретил. Шифруется, и приходится встречаться с ним не в приличной гостинице, а в какой-то задрипанной квартирке. Там пыльно, душно и вечно воняет бензином от соседней заправки. Словом, тот еще клоповник, который она же еще и оплачивает.

Эльвира мысленно вздохнула и придала лицу радостно-озабоченное выражение. Точнее, ей так казалось.

В углу все еще стояло несколько нераспакованных чемоданов, при виде которых Эльвира ощутила самую настоящую зависть. Вот зачем этой старухе, которая, считай, уже одной ногой в могиле, такое богатство?

Старуха смотрела на нее выжидательно.

– Тетя Аня, – проговорила Эльвира прочувствованно, – я пришла, чтобы сказать вам – мы с Михаилом так рады вашему возвращению... так рады... на свете нет ничего важнее семейных уз!

– А где же Михаил? – Старуха демонстративно огляделась. – Что-то я его не вижу!

– Ну, Михаил... он всегда занят. Ну и вообще, вы же знаете этих мужчин. Они совсем, совсем не ценят семейные узы. Это мы, женщины, хранительницы домашнего очага... вот я и подумала, что мы с вами, две женщины, лучше найдем общий язык. Мы больше дорожим семейными ценностями...

– Ах, ценностями! Вот ты о чем! – оживилась Анна Ильинична.

– Но я не в том смысле...

– А в каком же?

– Вот, кстати, я испекла для вас пирог с лимоном. К чаю. Это мой фирменный, семейный рецепт. Он хранится в моей семье уже несколько поколений... передается от матери дочери или даже от бабушки внучке... – С этими словами Эльвира положила на стол пакет в шуршащей бумаге, развернула его.

– Несколько поколений? Надо же! Так он, должно быть, уже давно зачерствел!

– Ах, вы неправильно меня поняли. Я имела в виду не сам пирог, а рецепт...

– Ах, рецепт! А не такой ли точно пирог я видела в пекарне на углу? Кажется, он называется «Большие надежды»...

– Ах, что вы! – Эльвира покраснела. – Ничего общего! Я же говорю – это мой фирменный рецепт.

– Впрочем, это неважно. Давай выпьем чаю, раз уж ты принесла пирог. Ты ведь не откажешься от чашки чаю со старухой?

– Конечно! Я очень рада!

Анна Ильинична поставила на круглый столик две синие фарфоровые чашки с золотыми узорами, нажала кнопку на электрическом чайнике и искоса взглянула на гостью:

– Кстати, о семейных ценностях... я тут разбирала свои вещи и нашла кое-что очень интересное. Ты ведь натуральная блондинка?

– Да, конечно... – Эльвира снова вспыхнула.

– Так вот, я думаю, что это тебе должно подойти...

С этими словами Анна выдвинула ящик туалетного столика и достала оттуда бархатную коробку.

Глаза Эльвиры загорелись, как тормозные огни автомобиля, она не смогла с собой совладать.

– Ты посмотри, посмотри! – усмехнулась Анна Ильинична.

Эльвира осторожно открыла коробку, при этом руки ее дрожали.

И сердце у нее взволнованно забилося.

В коробке на черном, как осенняя ночь, бархате лежали брызги южного моря... капли лазурной, оглушительной синевы...

– Это малая парюра, – проскрипела старуха, наслаждаясь впечатлением, которое произвело на Эльвиру содержимое коробки. – Сапфиры и бриллианты. Как видишь, серьги, браслет и перстень. Бриллианты, правда, небольшие, но сапфиры очень даже ничего. Те, что в серьгах, по четыре карата. Другие поменьше.

– Это... это мне? – пролепетала Эльвира, с трудом справившись с дыханием.

– Тебе, тебе, милочка! – проговорила тетка снисходительно. – Ведь ты ко мне пришла, провела одну старуху... хотя ты мне, в общем, не родня, но все же парюра в семье останется...

Она быстро и внимательно взглянула на Эльвиру:

– Ведь она останется в семье? Ты ее не продашь? Непустишь по ветру? Я могу на тебя надеяться?

– Ну что вы, тетенька... конечно, тетенька... как вы могли такое подумать!

– Смотри у меня!

Едва Эльвира покинула гостиничный номер, прижимая к груди коробку, в дверь снова негромко постучали.

– Ну, кто там еще... – недовольно пробормотала Анна Ильинична и повторила громче: – Кто там? Горничная? Я никого не вызывала! Я вообще просила сегодня меня не беспокоить!

Она прекрасно помнила, что просила вчера всех этих, с позволения сказать, родственников нанести ей визиты, но решила притвориться беспамятной старухой, так проще.

– Никого не принимаю! – снова закричала она.

Дверь тем не менее открылась, и на пороге появились две женщины – опирающаяся на суковатую палку старуха в темном платке и особа помоложе, с водянистыми рыбьими глазами и узкими, бледными, жалостливо поджатыми губами.

Старуха вцепилась скрюченными пальцами в плечо своей рыбоглазой спутницы, оглядела комнату неодобрительным взглядом и громко спросила ее:

– Куда это мы пришли? Где это мы? Кто это? Варвара Петровна из собеса?

Спутница покосилась на нее испуганно и проговорила вполголоса, но вполне слышно:

– Мама, не начинай! Ты же мне обещала!

– Ты говорила, что гулять пойдем, на нашей скамейке посидим, будем песни петь, а сама куда меня притащила? Что это за ведьма раскрашенная, как покойница?

– Мама! – Дочь не слишком уважительно дернула ее за руку. – Прошу, замолчи!

Затем она повернулась к Анне Ильиничне:

– Здравствуй, тетушка!

– Садитесь! – не столько предложила, сколько приказала хозяйка номера, указав на два стула, и, внимательно приглядевшись к посетительницам, проговорила, скривив губы в некое подобие снисходительной улыбки:

– Это, значит, Вера... Мало изменилась! А ты, милочка, кто такая? Что-то я тебя не признаю!

– Я – Василиса... – отозвалась рыбоглазая особа, – дочка Веры Ивановны... я же вам на вокзале уже говорила... я вам там уже представилась...

– Что? – Анна Ильинична удивленно подняла брови. – Дочка? На вокзале говорила? Извини, милочка, я запамятовала. В нашем возрасте, знаешь ли, такое бывает.

– Да, мне ли не знать... – Василиса быстро, озабоченно взглянула на мать.

– Дочь, значит... А я было подумала, что Веруся на старости лет стала лесбиянкой!

– Как вы могли такое подумать? – Рыбьи глаза округлились, лицо побагровело. – Как вы такое только могли подумать?

– А что еще я должна была подумать? – Анна Ильинична изобразила смущение. – Наша Верочка замужем никогда не была, а по молодости лет очень даже увлекалась... впрочем, не будем об этом! Все мы не без греха! Главное, вовремя остановиться...

– Пойдем отсюда немедленно! – прогремела старуха и ударила в пол своей клюкой. – Наслушалась уже песен!

– Мой отец погиб перед самой свадьбой... – пролепетала ее спутница, потупив взор.

– Ну конечно! Или в космос улетел, с концами, – подхватила Анна Ильинична, откровенно наслаждаясь моментом. – До сих пор летит в межзвездном пространстве... наверное, как раз пролетает мимо альфы Центавра...

– Пойдем отсюда! – сурово повторила старуха. – Я чувствую ее греховные помыслы...

– Всяк судит по себе...

– Пойдем уже! Зря мы пришли! И вообще, у меня суп на огне оставлен...

– Подожди, мама... – прошелестела Василиса. – Ничего у тебя не оставлено. И вообще, мы должны проявить смирение... христианское терпение... мы должны быть выше этого... как говорил отец Никодим, наша сила в вере...

– Все равно от нее никакого проку не будет! Зря мы только шли сюда! Вот Элька перед нами приходила – та небось с ней легко договорилась, ишь какая довольная уходила! Ну да – они одного поля ягоды! А мне от этой вавилонской блудницы и не нужно ничего! Я с этой Иезавелью не хочу иметь ничего общего! Мне ее деньги противны! Я к ним вообще не прикоснусь, даже если она меня будет уговаривать...

– Мама, какие деньги! – всерьез испугалась дочь. – Мы же не из-за них пришли!

– Какая принципиальная позиция! – проговорила Анна Ильинична. – И какая похвальная откровенность! Значит, вы пришли в надежде разжиться у меня какими-нибудь деньгами или чем-нибудь ценным? Ну, в общем, кто бы сомневался!

– Как вы могли подумать? – воскликнула рыбоглазая Василиса.

– Повторяешься, милочка!

– У нас и в мыслях ничего подобного не было... разве только если вы хотели пожертвовать на богоугодные дела...

– Пожертвовать? А впрочем, коли уж зашел разговор о чем-нибудь ценном... у меня для Верочки действительно кое-что приготовлено. С учетом ее интересов.

Она повернулась, открыла один из чемоданов и достала оттуда какой-то небольшой плоский предмет, завернутый в мягкую ткань, и протянула его Василисе:

– Вот, это икона семнадцатого века. Или даже шестнадцатого, точно не помню. Чудо святого Георгия. Поразительная вещь, и кстати, очень ценная. Московская школа, мастерская Иоанна Схимника. Во всем мире таких две или три. Серебряный оклад, все дела. Мне за нее два миллиона предлагали...

– Долларов? – Глаза Василисы хищно сверкнули.

– Фунтов, милочка! Дело было в Лондоне. Предлагал один олигарх из наших, но я отказалась. Зачем мне лишние два миллиона? А так – вещь красивая, пускай лучше в семье останется.

– Да, конечно, лучше в семье... впрочем, это не имеет значения... – Василиса приглушила блеск глаз. – Важно, что это икона, святая вещь... мы можем пожертвовать ее храму...

– Принимаете, значит, подарок от Иезавели?

– Не принимайте мамины слова так близко к сердцу... вы же понимаете, это у нее возрастное...

– Возрастное? Да она моложе меня лет на пять!

Василиса развернула платок и впиалась взглядом в икону.

– А теперь уже и правда можете идти, – проговорила Анна Ильинична, и на ее лице проступила усталость. – Мне нужно отдохнуть... прилечь... я устала...

– Пойдем, мама! – Василиса завернула икону, вскочила. – Пойдем... не будем мешать Анне Ильиничне...

Старуха поднялась, бросила на хозяйку номера странный взгляд и направилась к двери. Потом остановилась, круто развернулась и вдруг рассмеялась.

– Я вспомнила! Я тебя узнала! Знаю, кто ты такая! Анька-пустоцвет, вот ты кто!

– Что ты сказала? – По лицу хозяйки номера пробежала тень, губы ее плотно сжались, глаза вспыхнули, она рванулась было к старухе, но удержала порыв.

Тут Василиса схватила мать за плечо и буквально вытолкала ее за дверь.

– Идите уж отсюда, дайте покой!

Однако, когда дверь за посетительницами закрылась, Анна Ильинична не легла. Напротив, она оживилась, на лице ее проступило какое-то лихорадочное нетерпение. Она переоделась в темный брючный костюм и вызвала горничную.

Когда та появилась, Анна Ильинична проговорила строго:

– Милочка, ты умеешь держать язык за зубами?

– Это моя работа, – ответила девушка без удивления.

– Отлично. И я тебе за это хорошо заплачу.

– Слушаю вас.

– Здесь ведь есть запасной выход, только для персонала?

– Конечно.

– Так вот, милочка, вызови мне такси, причем чтобы оно подъехало к этому запасному выходу...

– Нет проблем.

– А если меня в ближайшие два-три часа кто-то будет спрашивать, безразлично кто, говори, что я отдыхаю у себя в номере и просила меня ни в коем случае не беспокоить. И чтобы ни для кого никаких исключений! Все понятно?

– Абсолютно понятно.

– Ну и отлично, милочка. И вот тебе за такую понятливость... – она протянула девушке крупную купюру.

Однако, едва горничная вышла, в номер Анны Ильиничны снова постучали.

– Ты что-то забыла? – недовольным голосом проговорила женщина. Она решила, что стучит горничная.

Но дверь открылась, и в комнату вошел сухопарый пожилой человек в аккуратно выглаженном, хотя и заметно поношенном костюме, вышедшем из моды лет двадцать назад.

– Ах, Рома, это ты! – Анна Ильинична демонстративно взглянула на часы. – Вообще-то я спешу...

– Ты же сама просила зайти. Впрочем, если тебе и правда некогда, я не буду навязываться...

– Нет, раз уж ты пришел... вы ведь с Колей были друзьями, очень близкими друзьями!

– Это правда... мы с ним со школы... за одной партой сидели... – Взгляд Романа Андреевича затуманился.

– Да, Ромочка, да... сколько лет прошло... – Анна Ильинична похлопала гостя по руке, – и как быстро прошли эти годы... ты, кстати, очень неплохо выглядишь. Для своего возраста.

– Ты тоже.

– Ох, не надо мне льстить! Я на такую грубую лесть давно уже не ведусь. У меня, знаешь ли, есть зеркало!

– Нет, это правда...

– Кстати, насчет правды. – Анна Ильинична быстро и внимательно взглянула на мужчину. – Какая кошка пробежала тогда между тобой и Николаем?

– О чем ты?

– Ведь вы за несколько месяцев до нашей... до нашего отъезда перестали общаться. Как будто оборвали все связи.

– Что ты говоришь? Честно говоря, я не помню... – Роман Андреевич невольно отвел взгляд. – Наверное, у нас просто была настолько разная жизнь, что не о чем стало говорить. Пропали все точки соприкосновения... Нет, не помню.

– Не помнишь? Ну, в нашем возрасте это неудивительно. Ладно, не помнишь и не помнишь. Зато я помню, что Коля хотел подарить тебе одну вещицу... он говорил, что ты ее очень хотел иметь. Думаю, что тебе будет приятно получить ее на память о старом друге.

– Вещицу? – переспросил Роман Андреевич заинтересованно. – Ты говоришь о...

– Да вот она! – Анна Ильинична выдвинула ящик туалетного столика, достала оттуда большой конверт из плотной желтоватой бумаги и протянула его посетителю.

Тот взял конверт с недоверчивой радостью:

– Неужели это то, о чем я думаю?

– А ты сам посмотри! Лучше, как говорится, один раз увидеть...

Роман Андреевич достал из кармана кожаный очечник, вынул из него очки, надел их и только после этого открыл конверт и взглянул на его содержимое.

Это был аккуратно вложенный в тонкий пластиковый файл лист пожелтевшей от времени бумаги, покрытой выцветшими от времени зеленоватыми чернилами. Почерк был аккуратный, старательный, но многие буквы незнакомые, орфография старинная, давно забытая. Внизу листа стояла размашистая подпись с завитком на конце и расплывшаяся сургучная печать.

Роман Андреевич поправил очки и начал негромко читать:

– «Мы, Божьей милостью государь, царь и великий князь Деметриус Первый...» Это оно... – проговорил мужчина дрожащим от волнения голосом, прервав чтение. – То самое письмо... единственное собственноручное письмо Лжедмитрия Первого...

– Тебе виднее! – Анна Ильинична улыбнулась уголками губ.

– Я не знал, что оно было у Николая... он тогда советовался со мной, купить ли его, но потом вроде бы отбросил эту идею... Значит, все-таки купил...

– Ну, ты рад?

– Но оно бесценно! Ты и правда хочешь мне его отдать?

– Что я хочу – дело десятое. Важно, что этого хотел Николай, мой Коля. А для меня его желание – закон.

– Ты не представляешь, как это для меня важно... я так благодарен тебе...

– Ну вот и хорошо. Делать добрые дела приятно. А теперь извини, меня и правда ждут...

Однако и на этот раз Анне Ильиничне не суждено было уйти, потому что, едва Роман Андреевич вышел, в дверь тут же просунулись две головы. Анна Ильинична прищурилась и узнала двух сестер, дочерей домработницы Нюры.

Несмотря на то что одна была очень светлая блондинка, про таких говорят «белобрысая», а вторая от души выкрасилась в ослепительный рыжий цвет, сестры были похожи. Глазки маленькие, носик пуговкой, губки поджаты, только у одной брови нарисованы карандашом и на ресницах едва ли не пуд дешевой комковатой туши, а у другой бровки белесые и ресницы коровьи.

– Вы кто? – спросила все же Анна Ильинична. – Вы дверью, что ли, ошиблись? Господи, ну и гостиница, сняла ведь целый этаж, а тут шляются все кому не лень!

Сестры промолчали, только старшая, рыжая, выразительно ткнула другую в бок – говорила же тебе! На что белесая ответила таким же выразительным взглядом – а не надо было вообще сюда идти, ничего хорошего нам тут не обломится.

От Анны Ильиничны, которая, как уже говорилось, обладала острым не по возрасту зрением, не укрылся этот обмен взглядами, и она сменила тактику:

– Ну, девушки, заходите, раз пришли!

«Девушкам» было в районе пятидесяти годков, но они не стали спорить, вошли в комнату и рядом усадились на диване, как птицы на проводе.

– Помню мать вашу, Ньюрку из Голубевки, – начала разговор хозяйка, – помню, как перед мужем моим задом вертела, все хотела, видно, мое место занять. Ан не вышло.

– Она умерла, – пробормотала белесая сестра, – давно уже.

– И как умирала, легко? – полюбопытствовала Анна Ильинична.

– Тяжело, – ответила рыжая, – плохо маманька умирала, девять месяцев лежала, стонала очень, пролежни были...

Тут младшая пихнула ее в бок и встала с дивана.

– Мы, пожалуй, пойдем!

– Куда это собрались? – удивилась хозяйка. – Вроде и разговор-то не начинали.

– На работу торопимся, на фабрику. Спасибо на добром слове, тетенька, только недосуг нам, на жизнь зарабатывать нужно.

– Ты за меня, Манька, не говори! – окрысилась на сестру рыжая.

– Вот что, девочки, я вашу мать не любила, потому как уж больно мужа моего она завлечь пыталась, место свое не знала, – миролюбиво заговорила хозяйка, – но вы-то не виноваты. И хочу я перед тем, как покину этот мир, доброе дело сделать. Знаю, что плохо вы живете, трудно, вдвоем в квартирке однокомнатной. А женщины вы молодые, надобно вам личную жизнь устроить, а то как бы поздно не было. А для личной жизни нужно что... известно что: жилплощадь.

– Золотые ваши слова, Анна Ильинична! – обрадованно завопила рыжая Татьяна.

– И вот решила я вам квартиру отдать, которая при фабрике находится, мы с Николаем там раньше жили. Квартира, конечно, так себе, запущенная очень, но вы молодые, руки у вас хорошие, так что живо ее в порядок приведете!

– Тетенька Аня! – Татьяна вскочила с дивана с намерением заключить хозяйку в объятия. – Да век будем за вас Бога благодарить! А ремонт сделаем, лишь бы крыша над головой была!

– Ну-ну... не стоит благодарности. Нужно людям добро делать... на этом земля держится...

И Анна Ильинична протянула им лист гербовой бумаги, на котором отпечатано было, что она, такая-то, передает квартиру там-то и там-то в пользование двум сестрам на правах собственности... фамилии и паспортные данные упомянутых сестер прилагаются. И подпись нотариуса, и большая круглая печать.

– Все, девушки, идите уже и больше меня не беспокойте. Отдохнуть я хочу.

Всю дорогу домой Татьяна едва не плакала от радости.

– Вот не ждали – не гадали, а привалило нам счастье!

Роман Андреевич вышел из гостиницы, огляделся по сторонам.

Он спешил домой. Конверт, который лежал у него за пазухой, был бесценен. Скорее домой, скорее спрятать его в надежное, безопасное место...

Вернувшись к себе, он первым делом запер дверь, задернул шторы на окнах, отодвинул от стены старый, продавленный диванчик, подцепил пилочкой для ногтей половицу. Под ней в полу был тайник. Там лежал маленький черный сундучок.

Роман Андреевич открыл этот сундучок, мельком взглянул на его содержимое, но не стал терять время. Положил туда же бесценный конверт, закрыл сундучок, положил на место половицу, придвинул диван на прежнее место.

Так, можно немного успокоиться.

Здесь конверт никто не найдет, а через несколько дней он созвонится с нужным человеком и увезет этот конверт в Москву.

И его жизнь волшебным образом изменится...

Он знает, кто заплатит за этот документ настоящую цену!

Пусть ему осталось не так уж много лет, но эти годы он проживет как человек!

Интересно, Анна знает, сколько стоит этот документ? Наверное, нет, иначе она не отдала бы его...

Хотя... она богатая женщина, для нее это ерунда. Может, и отдала бы – ведь этого хотел Николай...

Хотя вряд ли он этого действительно хотел...

Тут Роман Андреевич вспомнил их разговор. Вспомнил, как она спросила, отчего они рассорились с Николаем. Буквально спросила, какая кошка между ними пробежала...

Неужели она знает?

Нет, если бы знала, она ни за что не отдала бы ему этот конверт... вообще не стала бы с ним разговаривать... значит, она ничего не знает, а спросила просто так, наугад...

Ксения посмотрела на часы – изящные дамские часики, которые вполне можно было принять за золотые, очень известной швейцарской фирмы, если не присматриваться, конечно. Что ж, пока она вполне укладывается в нужное время.

Сейчас лето, но ночь, судя по всему, не была слишком теплой, да и солнце нехотя выглядывает из-за облаков. Так что вполне подойдет достаточно короткая прямая юбка и пиджачок. Никаких ярких цветов, никаких контрастов, неяркая скромная полоска. И топ с очень скромным вырезом.

Она – офисный работник, да не обычная секретарша, а успешная деловая женщина, с престижной, хорошо оплачиваемой работой, знающая себе цену.

Ксения зачесала волосы гладко и влезла в изящные лодочки. Каблук не слишком высокий, туфли хороши, вот на них она не поскупилась, никаких подделок. Сумка тоже известной фирмы, тут экономить нельзя, люди сразу на сумку смотрят.

Ксения вышла из квартиры и прислушалась. Ага, все тихо, соседи спят, а в этой квартире вроде бы в отпуск уехали, она вчера из окна видела их с чемоданами.

Это хорошо, что они уехали, поскольку муж уж больно к ней, Ксении, приглядывался. Помочь предлагал по хозяйству, когда она в эту квартиру въехала пару недель назад.

Совершенно ни к чему Ксении такое внимание. Ей нужно вести себя как можно незаметнее, чтобы никто ее не запомнил. И выполнять неукоснительно ежеутренний ритуал.

Итак, она спустилась на лифте, чтобы не стучать каблуками, а то старушенция, что живет под ней, жаловалась уже хозяйке на шум. Хозяйка – баба тертая и спокойная, у нее квартир этих, что сдает, штук пять, так что она от старухи попросту отмахнулась, но без хамства, а Ксении сказала, что бабка в принципе не склочная, в легком маразме, ей ерунду какую-нибудь подарить – дешевенькую шоколадку или яркую заколку для волос, она и заткнется.

Дом, в котором Ксения снимала квартиру, выглядел довольно прилично. Лестницу недавно отремонтировали, двери покрасили, отгородили внизу место для консьержки. Объявление даже повесили, но пока никто не согласился.

Это и к лучшему, подумала Ксения, будет какая-то тетка сидеть и от скуки всех жильцов разглядывать, сплетни по дому разносить. Ладно, пока найдут человека, Ксения уже отсюда съедет.

Она вышла из подъезда и быстро оглянулась. Так и есть, мужчина с третьего этажа уже сел в свою машину. Он кивнул ей приветливо.

– Подвезти? – спросил традиционно.

– Спасибо, пройду пешком, это полезнее, – как обычно, ответила Ксения.

Он отвернулся без сожаления, и это хорошо, стало быть, просто из вежливости предлагает.

Ксения неторопливо прошла вдоль дома, пересекла двор и вышла через арку на улицу. Скосила глаза, чтобы оглянуться, не поворачивая головы.

Так, вроде бы все нормально, как в любой другой день. Во дворе на лавочке сидит тетка из соседнего подъезда со своей собачонкой, она полная, до сквера не дойти, вот и выходит рано утром, чтобы с жильцами не столкнуться.

Пробежал мимо Ксении широкоплечий парень в спортивной форме. Этот каждое утро бегают. Ох, она бы тоже начинала так день, но нынче у нее другая задача.

Ксения взглянула на часы и убыстрила шаг, прошла по улице, миновала большой жилой дом, весь первый этаж которого был занят офисами. Из пяти дверей три были заперты, и окна давно не мыты, что делать – кризис, люди переходят на удаленку, так выгоднее, чем за офис деньги платить.

Сразу за домом был проезд для машин, Ксения быстро его проскочила и свернула на вымощенную плиткой пешеходную дорожку, которая проложена была, чтобы граждане могли срезать путь до станции метро. Тут людей стало гораздо больше – все же будний день, люди на работу спешат, хоть и лето.

Выйдя на проспект, Ксения не стала сворачивать с основным человеческим потоком к станции метро, а перешла дорогу. Дома на проспекте были относительно новые, чуть в стороне стояло здание большого торгового центра.

Сам центр был еще закрыт, но кафе, что внизу, уже работало. С половины восьмого, на европейский манер, там подавали кофе, а с девяти – завтраки.

У входа Ксения снова взглянула на часы – ровно восемь двадцать. Что ж, все по плану.

Официант кивнул ей, как знакомой, хотя ходила она сюда всего неделю.

– Кофе? – весело спросил он. – Капучино с корицей?

– Без корицы, – ответила Ксения, как обычно, – знаю, что она полезна, но не люблю.

– Как скажете! – Он развернулся и пропал из виду.

Ксения незаметно оглядела зал. Ничего необычного, сидят люди, кофе пьют. В основном поодиночке, хотя вон та пара, в углу, явно коллеги, перед работой встретились.

Официант материализовался с чашкой кофе на подносике. Кофе тут и правда варят отличный.

Сахар подавали в пакетиках, а не в сахарнице – так гигиеничнее, как объяснил официант в первый же день. Ксения развернула пакетик. Ничего, только светлый сахарный песок.

– Ах, простите! – Она положила надорванный пакетик обратно. – Мне нужен темный...

И в этом пакетике был обычный темный сахар. Что ж, это еще не конец.

Она не спеша пила кофе, делая вид, что просматривает что-то в телефоне. Время шло, и черед двадцать минут, ровно без пятнадцати девять, официант положил перед ней книжечку меню. Ничего странного, такой порядок.

Со скучающим видом Ксения развернула меню. Так, кафе предлагает разнообразные завтраки на любой вкус.

Как водится, всевозможные омлеты – с ветчиной, с помидорами, посыпанными прованскими травами, орегано, базиликом или красным перцем.

Да, это все не то.

Дальше, здоровый завтрак – хлеб из муки грубого помола с семечками, мусс из авокадо, а сверху – ломтики малосолевой лососины. Вкусно, но тоже не то, что нужно Ксении.

Она закрыла меню и отложила в сторону.

– Завтракать не будете? – спросил подскочивший официант.

– Не сегодня, тороплюсь очень, – ответила Ксения, как отвечала каждый день в течение недели. – Счет, пожалуйста.

Она расплатилась наличными, оставив довольно скромные чаевые, и вышла из кафе. Еще один день пролетит в бесплодном ожидании. Ну что ж, можно считать это маленьким подарком судьбы и заняться собственными делами. А завтра – снова тот же ритуал, и так каждый день, пока не придет сообщение.

Но возвращаться сейчас домой ей нельзя, ведь для соседней она – деловая женщина, которая много и успешно работает, со всем, что отсюда вытекает. Ну ничего, у нее все предусмотрено. На то она и настоящий профессионал.

Григорий вошел в гостиную.

Здесь уже была вся шайка, вся, с позволения сказать, родня – и Михаил со своей неподражаемой супругой, точнее сказать – Эльвира с бессловесным мужем в нагрузку, и Вера Ивановна с рыбоглазой дочерью Василисой, и старый хрыч Роман Андреевич в своем неизменном костюме, и сестрицы Таня и Маня (знать бы еще, кто из них кто).

Прибежали, значит, как велено было тетушкой вчера на банкете. Зачем-то собрала она их всех накануне в ресторане при гостинице, в том самом «Серебряном копытце».

Пили-ели от пуза, надо сказать, кухня в ресторане отменная, хоть тетка и поморщилась пару раз.

Ну, Анна не к такому привыкла, конечно. Хотя виду не показала, с хозяйкой мадам Копытиной вежливо говорила, когда та подошла спросить, всем ли высокая гостья довольна. И Григорию хозяйка кивнула приветливо, как старому знакомому, как человеку своего круга. Знает, чувствует мадам, что скоро станет он богатым человеком.

И тетя Аня очень прозрачно намекнула, что главный наследник – он, Григорий. А эти, остальные, так, сбоку припека, седьмая вода на киселе, непонятно, с чего это тетка с ними общается. Ну, могут быть у пожилого человека свои причуды...

Хотя Григорий вчера тут же себя одернул.

Не такой, ох не такой человек тетка его, чтобы что-то делать зря! С детства рассказы матери он помнит, а уж потом, когда мать умирала, все вспоминала она сестру не по-доброму.

И то сказать, как уехали они с мужем из Козловска, так и как в воду канули. Как будто на другой планете или вообще в другой галактике. И ведь не в каменном веке живем и не в Средневековье, связь-то всякая имеется – хоть телефон, хоть интернет. Так нет же, никаких известий, хоть бы какую весточку прислала сестре родной.

Судя по всему, жили они там далеко не бедно, дядька сумел кое-какие деньги туда перевести и на них серьезный бизнес и там замутил. Так хоть подарочек бы сестре да племяннику прислала. И потом, когда мать умирала, денег совсем не было, он перебивался мелкими работами, чтобы ее надолго не оставлять.

– Что загрузил, Гриша? – тетка коснулась его руки.

Ого, вроде бы смотрит она в другую сторону, а чувствует его настроение.

– Так... – он не сумел сдержаться, – мать вспомнил...

Зря он это сказал, но что уж теперь жалеть.

– Давно на могиле не был, – упрямо продолжал он.

– Ну да, ну да, – закивала тетя Аня, – я как с делами разберусь, съездим с тобой. Памятник я хочу поставить красивый...

«Памятник – это хорошо, – подумал Григорий, – это все же лучше, чем ничего».

Тут началась музыкальная программа, зал ресторана набился под завязку. Какие-то гуляли там приезжие, участники какой-то конференции, так что перекричать говор и музыку не было никакой возможности, и наконец тетка сказала, чтобы собрались все завтра у нее в номере, там и поговорим, мол.

И ушла пораньше, десерта не дождалась. Григорий ее проводил на второй этаж, а потом в ресторан вернулся. Хоть и не хотелось ему в такой компании сидеть, а все же решил проследить за родственничками, на самотек дело не пускать.

Ну, с уходом тетки самое веселье и пошло. Эльвира шампанского перепила и своему идиоту муженьку скандал устроила. Прямо при людях по морде его била, пока хозяйка заведения не послала официантов, чтобы их растащили.

Одна из сестер, как там ее, которая рыжая, познакомилась с компанией, которая гуляла тут в ресторане, сразу же к ним пересела и хохотала визгливо на весь зал, потом с ними и ушла.

Бабка все ела, четыре десерта умяла, дочка уж ее просила-умоляла: мама, остановись, тебе плохо будет, а та только отмахивалась от нее своей палкой.

Один только старикан сидел в углу, коньяк пил молча и смотрел на всех хитро, загадочно. Потом ушел тихо, Григорию только кивнул сухо на прощание.

И вот теперь с утра пораньше все явились сюда. И ждут раздачи слонов или что там еще тетка придумала.

Все они вроде бы находятся в одной комнате, но все делают вид, что не замечают друг друга. Смотрят в разные стороны и умудряются не встречаться глазами.

Когда же на пороге появился он, Григорий, тут все дружно сделали вид, что его-то уж точно никто не видит. Если кто-то из них случайно бросал взгляд в его сторону, то смотрел сквозь Григория, как будто он был стеклянный.

Но Григорий решил не поддаваться общему настроению и бодро проговорил:

– Привет, дорогие родственнички! Что, тетушка до сих пор не выходила?

Все промолчали, кроме простодушного Михаила. Тот растерянно покосился на дверь тетиной спальни и проговорил:

– Нет, не выходила... мы здесь уже почти час ждем...

Морда у него с одной стороны распухла, видно, рука у супружницы тяжелая оказалась. Впрочем, Михаилу к такому не привыкать. И чего он с этой стервой валандается? Все знают, что она изменяет ему направо и налево, сейчас с мужиком спит, который на бензоколонке магазин держит... Любит ее Мишка, что ли?..

Эльвира злобно взглянула на мужа, но ничего не сказала. Видно, поняла все же, что сейчас не время.

– Ну, раз уж столько ждали, подождем еще немного... – И Григорий сел на свободный стул.

Так они просидели еще минут двадцать, когда Вера Ивановна взглянула на дочь и проговорила простуженным голосом:

– Когда мы наконец будем обедать? Ты приготовила борщ? Я тебе велела борщ!

– Мама, подожди, мы не дома... – вполголоса сказала Василиса, покосившись на дверь.

– Почему я должна ждать? – недовольно отозвалась Вера Ивановна. – Мне, между прочим, в туалет нужно...

– В туалет? – забеспокоилась Василиса. – Сейчас я тебя отведу в туалет! Потерпи...

– Зачем меня отводить? Что ты из меня дуру делаешь! Я что, не знаю, где у нас в доме туалет?

– Но, мама, я же говорю, что мы не у себя дома!

– Ты вечно говоришь какую-то ерунду! Лучше скажи, когда мы будем обедать.

– В самом деле, сколько можно ждать? – подал голос до сих пор молчавший Роман Андреевич. – Это уже похоже на издевательство! Сидим тут, как будто у нас своих дел никаких нету! Григорий, сделайте же что-нибудь!

– Я? – Григорий смешался. – Но почему я?

– А кто же еще? – язвительно проговорила Эльвира. – Ведь это ты... вы все время даёте понять, что вы – ближайший родственник и главный наследник! Вот и действуйте наконец!

– Мне нужно в туалет! – пробасила Вера Ивановна. – Я не намерена больше ждать!

Она поднялась и решительно направилась к двери, за которой была спальня Анны Ильиничны.

– Мама, куда ты! – Василиса вскочила и бросилась за матерью, но упустила момент.

– Я знаю куда! Я, слава богу, еще не в мазазме! – провозгласила та и открыла дверь.

Сделав шаг вперед, она, однако, остановилась и проговорила, ни к кому не обращаясь:

– Безобразие! В доме бардак! Какие-то старые женщины на полу валяются!

– Мама, что ты говоришь... – пролепетала Василиса, догоняя мать... и вдруг завизжала дурным голосом.

– Что такое? – Григорий вскочил, чувствуя неладное, и бросился к двери.

Вера Ивановна с дочерью перегородили дверной проем, и из-за них ничего не было видно. Григорий вытянул шею, пытаясь заглянуть в спальню, потом, оставив правила хорошего тона, растолкал женщин, пролез между ними и шагнул вперед...

И застыл на месте.

Анна Ильинична лежала на полу перед дверью, широко раскинув руки. Подол халата некрасиво задрался. Она не подавала никаких признаков жизни, хотя глаза ее были широко открыты, а выражение лица... Это было самое удивительное и страшное.

На лице Анны Ильиничны застыло насмешливое и ехидное выражение, как будто перед самой смертью старая дама над кем-то смеялась.

Григорий бросился к тетке, опустился перед ней на колени, попытался сделать ей искусственное дыхание, но никак не мог вспомнить, как это делается.

Наконец за спиной у него раздался скрипучий, высокомерный голос Романа Андреевича:

– Оставьте, молодой человек! Вы разве не видите – ваша тетушка мертва!

И только тогда Григорий признал непреложную очевидность этого факта.

Тут же в голове у него промелькнуло несколько неуместных, несвоевременных мыслей.

Во-первых – что тетка умудрилась-таки всех разыграть.

Во-вторых – что это, может быть, и к лучшему – ему не придется долгие годы ждать, когда она умрет и он станет наконец богатым человеком.

И в-третьих – что теперь ему придется заниматься ее похоронами, а это наверняка очень хлопотное дело.

Роман Андреевич тоже наклонился над мертвой женщиной, но не для того, чтобы попытаться вернуть ее к жизни, а для того, чтобы поправить неприлично задравшийся подол ее халата.

Смерть должна быть благопристойной.

Склонившись над Анной, Роман Андреевич вблизи увидел ее лицо, ее усмехающееся лицо... и ему показалось, что она насмехается над ним. Именно над ним.

Да нет, не может быть...

Или может?

Она всегда любила грубые шутки и розыгрыши! И она что-то знала о том, что случилось между ним и Николаем...

Что, если и на этот раз...

– Что это? – в спальню вбежала Эльвира. – Что с ней? Она действительно умерла или опять придуривается?

– Вирочка, не расстраивайся, тебе будет плохо... – заговорил от двери Михаил.

– Отстань! – Эльвира жадным взглядом обшаривала комнату и уже нацелилась на кольца Анны Ильиничны, которые валялись на прикроватном столике.

Григорий перехватил ее взгляд и одним прыжком перекрыл ей обзор, откуда только прыть взялась.

– Эй, вы! – крикнул он сестрам, которые с жадным любопытством заглядывали в дверь спальни. – Вызовите горничную! А лучше хозяйку, Елену Васильевну!

– Чего? – тупо ответила рыжая, вид у нее сегодня был здорово помятый, под глазами проступили синяки, и кожа на лице землисто-серая. Видно, хорошо погуляла накануне.

Сестра ее, однако, соображала быстрее: она метнулась к двери и заорала в коридоре:

– Сюда скорее! Несчастье у нас!

Тут же вбежала перепуганная горничная и охнула, остановившись на пороге.

– Хозяйку зови! – приказал Григорий. – Быстрее! Что ты стоишь? Шевелись!

– А вы все, – он сурово глянул на Эльвиру, – покиньте спальню. Там подождите!

– А ты чего это командуешь? – вызверилась она, но тут старуха заорала, что ей нужно в туалет, и затопала ногами.

– Да уводи ты ее отсюда к чертовой матери! – рявкнул Григорий Василисе. – Пока она тут не села! Да не в этот санузел, тут ничего трогать нельзя!

– Вы думаете, что она... – заговорил Роман Андреевич.

– Ничего я не думаю! Врача надо вызывать и полицию.

Тут появилась хозяйка гостиницы и с ходу оценила ситуацию. Одним властным движением бровей она успокоила горничную, тут же прибежал запыхавшийся охранник, который отогнал все стадо безутешных родственников в соседний номер и сам встал у двери с суровым и непреклонным лицом.

Приехал врач, констатировал смерть и на сказанное шепотом хозяйкой пожелание не поднимать шума отрицательно покачал головой: не могу, и не просите, нужно по протоколу полицию вызывать, а уже они там сами разбираться станут.

Пока мадам говорила по телефону с полицией, прося прислать кого-то знакомого, Роман Андреевич отговорился плохим самочувствием (что неудивительно, учитывая обстоятельства и его возраст) и ушел из гостиницы первым, не дожидаясь и полиции.

Он поспешил домой.

Всю дорогу перед его внутренним взором стояло лицо Анны, ее издевательская усмешка.

Сердце неровно билось и предательски проваливалось.

Роман Андреевич, с трудом справляясь с одышкой, поднялся к себе в квартиру, торопливо отодвинул диван, поднял половицу, достал заветный сундучок...

Конверт был на месте.

Он попытался успокоиться.

Не может быть, все в порядке, вот же этот бесценный документ! Лежит там, где он его оставил!

Он положил бумагу на стол, достал лупу, включил сильную лампу, наклонился над желтоватым листом...

И тут под действием яркого света с документом начало происходить что-то странное. И без того выцветшие чернила стали бледнеть еще больше...

Роман Андреевич испуганно отстранился, выключил лампу, но процесс уже пошел, и его было не остановить.

Старинные буквы растаяли, и на их месте возникла совсем другая надпись:

Жил-был у бабушки серенький козлик...

Жил-был у бабушки серенький козлик...

Вот как, вот как, серый козел!

– Сволочь! – прохрипел старик помертвелыми губами. – Ты знала, ты все знала! Ты нарочно все это подстроила, чтобы отомстить! Как я сразу не догадался...

Долгое время он сидел так, потирая левую сторону груди, глядя на пустой лист бумаги. И понемногу на этом листе, как на экране, стало проявляться то, что он прятал в глубине своей памяти и усиленно старался забыть.

Ксения проснулась за пять минут до звонка будильника. Собственно, и будильник-то ей был ни к чему, она заводила его нарочно, чтобы бабка из нижней квартиры слышала звонок. Все как полагается, деловая, много работающая успешная женщина встает всегда в одно и то же время и торопится в офис.

Да, хоть и ремонт в квартире кое-какой сделан, и дом вроде приличный, а слышимость как в запущенной пятиэтажке с картонными стенами.

Несколько упражнений на растяжку, контрастный душ, затем наложить легкий макияж.

Так, ночью был небольшой дождь, и небо покрыто рыхлыми волглыми тучами. Может, и разойдутся, но пока прохладно, так что подойдут узкие брюки и темный пиджак. И волосы сегодня она закрутит в узел на темечке. Еще мазнуть помадой по губам – и можно идти. По времени как раз точно.

Спустившись вниз, как обычно, пешком, Ксения увидела на прежнем месте соседа с машиной, задержалась на долю секунды в подъезде, и он уехал, не оглянувшись. Это хорошо, стало быть, не нарочно почти неделю встречался ей у подъезда. Она прошла вдоль дома и вышла на улицу, краем глаза заметив во дворе все ту же полную тетку с собачкой. Все как обычно. Но...

Идя мимо длинного дома, где внизу были крошечные магазинчики и офисы мелких компаний, Ксения заметила, что три окна закрыты железными шторами. Все как вчера, пыльно и грязно. Но на одной появился рисунок краской – большой восклицательный знак.

В общем, ничего необычного, какой-нибудь подросток возомнил себя умельцем стрит-арта, но все же Ксения приучила себя обращать внимание на любое изменение.

Она свернула в проход между домами, затем влилась в поток пешеходов, которые торопились по дорожке, вымощенной плиткой, к станции метро. Выйдя на проспект, Ксения к метро не повернула и прошла в противоположную сторону, к большому торговому центру. Он был еще закрыт, но кафе внизу работало. Кофе с половины восьмого и завтраки с девяти.

Ксения взглянула на часы – восемь двадцать, как и всегда уже вторую неделю. Что ж, возможно, сегодня что-то изменится и у нее появится задание.

Знакомый официант подскочил, едва она села.

– Капучино с корицей? – спросил, как всегда.

– Капучино, но без корицы, – традиционно ответила Ксения. – Знаю, что она полезна, но не люблю.

– Как пожелаете... – Парень испарился.

Ксения незаметно оглядела зал. Все как всегда – люди поодиночке пьют кофе перед работой, ах нет, вот одна пара коллег. Мужчина тот же самый, а девушка-то другая. Ну-ну...

Официант поставил перед ней чашку, Ксения вроде бы наугад, не глядя, взяла из подставки пакетик сахара, на самом деле нужно было взять второй с левого края. Ничего, обычный песок.

– Ах нет, мне нужен темный! – Ксения развернула следующий пакетик. Там не было темного сахара, там была бумажка, на которой был нарисован большой восклицательный знак.

Вот так вот, не зря она предчувствовала, что сегодня будет прорыв. И так... Она неторопливо пила кофе, и ровно без пятнадцати девять официант положил перед ней меню завтраков.

Ксения открыла книжечку и скупающим взором проглядела меню. Ну, все как обычно: омлеты, каши с разными топингами, сырники, оладьи. Вот здоровый завтрак, вот вегетарианский... ага... новинка от шефа. И такой же восклицательный знак нарисован.

Посмотрим. Значит, большой омлет из трех яичных белков с зеленью. Зелень... понятно, улица Зеленина, дом три. Большая Зеленина. Что там дальше... цена... ага, стоимость одной порции 306 рублей, и только сегодня скидка пятьдесят процентов.

Значит, сегодня. Это хорошо. Значит, берем от трехсот шести рублей пятьдесят процентов... получается 153. Стало быть, встреча с заказчиком состоится сегодня в пятнадцать часов тридцать минут по адресу: ул. Большая Зеленина, дом три.

Но тогда возникает вопрос: дом явно большой, многоквартирный, куда там конкретно идти? Ага, вот тут еще приписка мелко, курсивом: энергоемкость 247 ккал.

Килокалории значит, специально мелко написали, чтобы посетителей не отпугивать, которые похудеть пытаются и калории считают. Значит, квартира двести сорок семь.

– Завтракать будете? – возник у столика официант.

– Не сегодня, – весело ответила Ксения, – тороплюсь очень, срочные дела зовут...

– Как скажете...

Ксения приехала на улицу Большая Зеленина за пятнадцать минут до назначенного срока, чтобы не маячить там и не привлекать ненужного внимания. Дом номер три был жилым, многоквартирным, но когда она просмотрела все подъезды, то не нашла там двести сорок седьмой квартиры, их было меньше двухсот.

Так, что там еще было в меню? Омлет из трех белков... белок... что-то белое... Она обошла дом, внимательно разглядывая, и увидела вывеску: прачечная «Белая чайка». Это же надо такое название для прачечной придумать...

В небольшом помещении никого не было. На стук двери вышла, однако, женщина в синей рабочей форме.

– Ваш номер заказа? – спросила она с улыбкой.

– Двести сорок семь, – без запинки ответила Ксения.

– Что-то я не найду, – женщина посерьезнела, – пройдите, пожалуйста, к администратору. – И показала рукой на узкую дверь в углу.

Ксения шагнула к двери, краем глаза наблюдая за хозяйкой прачечной, но та стояла спокойно. За дверью виднелся ряд больших стиральных машин, в которых крутились барабаны. Ксения прошла мимо всех и в самом конце обнаружила последнюю, неработающую. Дальше был тупик, и никакого администратора в обозримом пространстве не было видно. Очень осторожно Ксения заглянула внутрь стиральной машины.

Воды нет, есть только застарелая пыль и дохлые пауки, стало быть, машиной очень давно не пользуются, да она вроде вообще к водопроводу не подключена.

В ту же секунду в пыльной крышке барабана мелькнула тень, и только отличная реакция Ксении позволила ей заметить это вовремя. Отстраняться было уже поздно, поворачиваться тоже, так что пришлось ей нырнуть внутрь. Дверца тут же захлопнулась, и машина загудела.

Не может быть, она же видела, что труба подключения воды болтается просто так. Ага, а электричество работает. И теперь ее прокрутит в машине, как в центрифуге.

И точно, барабан начал вращаться, сначала потихоньку, медленно, как будто примериваясь, потом все быстрее. Ксения завертела головой и зашарила руками по стенкам. Должен же быть какой-то выход, ведь не просто так ее сюда запихнули. И перед тем как барабан на секунду остановился, чтобы перейти собственно к отжиму, она обнаружила на задней стенке неприметную кнопку, которую нажала не раздумывая.

Барабан все же двинулся, так что, когда отвалилась от машины задняя стенка, Ксения вывалилась из нее ногами вперед и не растянулась на полу только из-за того, что успела в воздухе сгруппироваться. Хорошо, что приехала сюда не в образе успешной деловой женщины, а в джинсах и кроссовках.

Она приземлилась на ноги и, едва коснувшись пола ладонями, тут же выпрямилась, чтобы встретить любую неожиданную опасность лицом к лицу.

Но никого перед ней не было, в помещении было полутемно, только впереди чуть светился прямоугольник двери. Ксения пошла туда, ступая осторожно и напрягая все чувства, чтобы избежать незаметно протянутых веревок возле пола или падающих на голову ведер с водой. Ну, детский сад, честное слово!

Она ожидала, что в следующей комнате будет крошечная тьма, но свет все же был. Лампа освещала стул, на котором ей предстояло сидеть, а стол и человек за ним оставались в глубокой, таинственной тени. Ксения чуть закусила губы, чтобы скрыть улыбку.

Все-таки как-то это несерьезно, со стиральной машиной. И здесь тоже, лампой в лицо светить станут, как в старом детективном фильме: будем признаваться или будем запираяться?

Ну, кто платит, тот и заказывает музыку...

Она нарочно задержалась у двери, чтобы человек за столом смог ее как следует разглядеть.

– Садитесь, – сказал наконец он; судя по голосу, это был мужчина средних лет. – Простите за такой прием, это была проверка.

– Я поняла, – сухо заметила Ксения.

– Вижу, что вы в отличной форме, – продолжал он, – это может понадобиться при исполнении задания. Итак, перехожу к делу. Организация, которую я в данный момент представляю, озабочена в последнее время некоторыми странными событиями, происходящими с недавно умершими богатыми людьми. Точнее, не с ними, а с тем, что открывается потом, вскоре после их кончины.

Он помолчал немного, ожидая, видимо, реакции от Ксении, но не дождался и продолжал:

– Поясню на примере. Вот представьте себе очень немолодую женщину, у которой имеется значительное состояние, оставленное ей покойным мужем. Или же старика, еще крепкого и энергичного, который отошел от дел, но продолжает контролировать свою собственность и держать, что называется, руку на пульсе. У дамы же все состояние, поскольку муж в свое время посчитал, что так будет надежнее.

Итак, если у дамы нет, к примеру, заботливой дочери или надежного серьезного сына, которому можно перевести хотя бы часть денег при жизни, то она живет себе припеваючи, заблаговременно сообщив родственникам, что в завещании никого не обидит и не станет завещать денежки, к примеру, приюту для кошек или каким-нибудь сомнительным благотворительным фондам.

Родственники терпеливо ждут ее смерти, а что им еще остается? Равно как и смерти старика. И что же происходит, когда случается это долгожданное событие?

– И что? – спросила Ксения, сообразив, что от нее ждут поддержания беседы.

– Организовав похороны по высшему разряду, безутешные родственники вскрывают завещание и с изумлением обнаруживают, что все состояние завещано, к примеру, какой-нибудь сомнительной фирме или организации, которые, в общем, не имели к покойнику никакого отношения при жизни.

– Мошенничество? Обман? Это забота юристов...

– Да нет, с юридической стороны все сделано ювелирно, комар, что называется, носа не подточит. Завещание вполне законно. И опротестовать его очень сложно, поскольку, как уже говорилось, люди эти в основном одинокие и прямых наследников не имеют. А если есть на горизонте какой-нибудь блудный сын или дочка, то они в большинстве случаев люди небогатые, и даже если и сунутся в суд, то ничего у них не выйдет. Были случаи.

Либо они сдаются, получая скромные отступные, либо... Был несчастный случай, один молодой человек, племянник богатой почившей в бозе тетушки, попал в аварию. Ну, сел за руль выпивши, так что расследовать аварию и не стали толком.

– Понятно...

– Теперь перехожу к вашему заданию. Значит, есть провинциальный город Козловск. Может, слышали?

– Нет.

– Ну, неважно. Старинный город, много церквей, действующий монастырь неподалеку и все такое прочее. Туристы едут, особенно летом. Понастроили, конечно, гостиниц и ресторанов разных, а так город не очень процветает.

Раньше, в доперестроечные времена, там была конфетная фабрика, называлась «Рассвет». Очень распространенное название было. И очень толковый был там директор.

Фабрика и раньше неплохо работала, а уж когда директор догадался ее приватизировать и начал расширяться... В общем, этот самый Николай Голубев умный был человек, действовал с размахом, но осторожно. Так или иначе, он не разорился, а очень даже преуспел. И стал богатым по тем временам человеком.

«С чем его и поздравляю...» – Ксения, разумеется, не сказала этого вслух. Она попыталась составить мнение о своем собеседнике, точнее, о человеке, который ставил перед ней задачу.

Лицо его по-прежнему оставалось в тени, и он тщательно следил, чтобы так и было. Судя по голосу и жестам, лет ему, во всяком случае, не больше пятидесяти, а речевые обороты явно как у немолодого, хорошо пожившего человека. Речь плавная, голос звучный, преподаватель, что ли, бывший? Привык лекции читать? Да предмет небось какой-нибудь гуманитарный...

– Вы слушаете? – вдруг прервал свою речь собеседник.

– Разумеется, – Ксения изобразила легкое удивление, – для чего же я пришла, по вашему?

– Итак, Николай Голубев. Все шло у него прекрасно, пока не заинтересовались фабрикой местные криминальные элементы. Появился такой персонаж... по кличке Парашют, как говорят, из молодых, да ранних, приезжий и совершенно без тормозов. Захотел фабрику получить, владелец, естественно, был против, начались криминальные разборки, к тому времени почти все, кто его поддерживал из властей, успели смениться, пришли новые люди...

Короче, это случилось около пятнадцати лет назад, когда Голубев, чтобы остаться в живых, буквально сбежал из города, а потом и из страны. Но сумел, видимо, перевести отсюда какие-то деньги, там раскрутился и умер несколько лет назад весьма небедным человеком.

Оставил только вдову преклонных лет, но бодрую и энергичную, которая совсем недавно вдруг приехала в Козловск, мотивируя это тем, что хочет повидать родину и всех родственников, которых, надо сказать, у нее в Козловске осталось весьма приличное количество.

– Родственники обрадовались? – Ксения почувствовала, что пора ей вставить слово.

– Разумеется, тем более тетка явилась на родину с помпой, одарила всех щедрыми подарками и недвусмысленно пообещала, что после своей смерти никого не обидит, каждому достанется куш. Потому что все имущество господина Голубева, как ни странно, осталось в целостности и почти сохранности...

Мужчина сделал паузу и продолжил:

– То есть дом, конечно, наполовину сгорел, а фабрика хоть и дышит на ладан, но все еще существует, и даже производство какое-нито там есть. И поскольку этот самый шустрый бандит по кличке Парашют погиб вскорости, то никто на фабрику не претендовал, в Козловске сменилось руководство, и со временем появилась какая-то законность, извели бандитов не то чтобы под корень, но поутихли они.

«Точно, бывший преподаватель, – уверилась Ксения, – уж очень подробно все рассказывает...»

– Теперь, собственно, перехожу к делу, – как будто прочитав ее мысли, сказал собеседник Ксении и перекатил ей по столу компьютерную флешку. – Вот тут вы найдете список всех

родственников и вообще всех сколько-нибудь интересных личностей, которые окружали мадам Голубеву по приезду.

– Окружали? – Ксения подняла голову. – Я правильно поняла, что вы не случайно говорите в прошедшем времени?

– Ну да, естественно. Дело в том, что старуха умерла. Сердечный приступ. Ее нашли утром уже холодной, так что с момента смерти прошло несколько часов.

– И вы думаете, что...

– Нет-нет. Вполне может быть, что все произошло естественным образом. Разумеется, будет вскрытие и расследование, все как положено, но вряд ли кто-то из родных попытается ускорить это событие. Не те люди, вы сами в этом убедитесь, – он кивнул на флешку. – Родственники ждут, когда будет вскрыто завещание старухи, а пока изображают безутешное горе, ну, кто как умеет, конечно.

И вот пока врачи и компетентные органы определяли, все ли там гладко и когда можно разрешить похороны, нам стало известно, что, собственно, говорится в завещании.

– И?

– И там написано черным по белому, что все свое движимое и недвижимое имущество (во всяком случае, то, что находится в России) покойная Голубева Анна Ильинична завещает инвестиционному фонду «Золотая заря», а родственникам, говоря по-простому, ни шиша не достанется!

– Есть такой фонд? – спросила Ксения.

– Разумеется, все есть, и фонд, и завещание честь по чести, комар носа не подточит.

– Нотариус, свидетели?

– Да все в порядке! Но дело в том, что официально завещание пока не вскрыто, так что никакого расследования проводить нельзя. И опять-таки, кто это будет делать? Тот самый племянник, которому якобы была завещана фабрика? Так, может, тетка его обманула, у него никаких прав нету. И денег тоже нету.

– И что вы хотите от меня?

– Вот как раз к этому подхожу. Значит, поскольку случай этот далеко не первый, то он привлек наше внимание тем, что сделано было все быстро, и самое главное – сам завещатель не помнит, когда и как было заменено завещание, он или она до самой смерти пребывали в уверенности, что все завещали родне, или близким, или кому хотели. Это в последнем случае мадам Голубева умерла скоропостижно, а другие ведь жили достаточное время.

У нас создалось впечатление, что тут действует некий человек или некая преступная организация, которую можно просто нанять за большие деньги.

Значит, ваше конкретное задание. У покойной Голубевой кроме этих родных и знакомых, – он кивнул на флешку, – была еще одна не то чтобы племянница, но... дочка сводной сестры ее покойного мужа. Сестра действительно была, и когда ее мать вышла за отца Николая Голубева, девчонка сбежала. И долгое время не подавала о себе никаких вестей. Потом связалась со сводным братом уже после перестройки, когда он разбогател, а она болела и сильно бедствовала.

Известно, что Николай даже помогал ей деньгами до самой ее смерти. У нее была дочь, которая связи с Голубевым не поддерживала. По иронии судьбы, ее звали Ксения. Ксения Голубева, мать родила ее вне брака и фамилию не меняла.

– Очень удобно, – усмехнулась Ксения, – мне не нужно привыкать к новому имени. А где она сейчас?

– Была на зоне, недавно вышла на поселение в Тамбовскую область. Там какая-то темная история: не то она пырнула любовника ножом, не то он сам в наркотическом угаре это сделал.

Короче, отсидела пять лет и теперь на поселении. В родные пенаты не вернется, в этом можете быть уверены. И самое главное: если кто-то из родственников и вспомнит про сводную сестру Николая Голубева, то уж о ее дочери никто и понятия не имеет.

Значит, легенда у вас будет такая: вы жили себе спокойно в Петербурге, пока не получили письма от тетушки Анны, как она себя назвала. Тетушка сообщила вам, что приедет в Россию, и приглашала вас встретиться в Козловске. Но вас не сразу отпустили с работы, или возникли еще какие-то непредвиденные обстоятельства, так что приехали вы несколько позже. И тетушку в живых, к сожалению, не застали, о чем не очень-то печалитесь, поскольку до недавнего времени понятия не имели о ее существовании.

Иными словами, вы – вовсе не бедная родственница, а вполне успешная, весьма обеспеченная женщина.

«Очень хорошо, – подумала Ксения, – не нужно будет менять привычный имидж».

– Пока не вскрыли завещание, постарайтесь поближе познакомиться с родственниками и близкими старушки. Дело в том, что у этой преступной организации не может не быть своего человека в близком окружении завещателя. Кто-то же должен сообщать им о событиях, чтобы все шло, как задумано.

Ну и разумеется, ваша главная задача – выяснить, каким образом все устроено, какие методы они применяют. Главное – выйти на их след как можно скорее.

– Пока завещание не вступило в силу?

– Собственно, это как раз неважно, нас не интересует, что бедные родственники не получают своего, нам нужно найти этих людей. И обезвредить или обратить их умение на пользу. Вот ваши документы и билет на поезд. Еще письмо от мадам Голубевой.

Ксения взглянула на билет. Поезд уходил сегодня поздно вечером. Это хорошо, она успеет закончить все дела.

Она проснулась рано утром, когда соседи по купе еще спали, и внимательно просмотрела все, что скачала с флешки.

Так, родной племянник богатой леди, можно сказать, что фаворит. Сорок два года, не женат, работает по найму, зарплата маленькая, двухкомнатная квартира в обычном панельном доме, старенькая недорогая машина. Пьет? Написано, что нет.

Стало быть, обычный неудачник, жертва обстоятельств, такого нетрудно будет расположить к себе.

Далее, племянник покойного господина Голубева. Если на то пошло, он-то как раз и должен наследовать состояние, вроде бы дядюшка его заработал. Но вдова, разумеется, решила по-своему.

То есть теперь-то, понятное дело, никто ничего не получит. А этот Михаил также работает по найму за небольшую зарплату и находится под каблуком у жены, которая его в грош не ставит и на людях всячески унижает. Да еще и рога ему наставляет при каждом удобном случае, об этом весь город знает, кроме него. Ну, как обычно, муж всегда узнает все последним.

С этим сблизиться не получится, там женушка всех отпугнет, следит внимательно. С ней самой тоже вряд ли удастся найти общий язык – станет шипеть и плевать ядом.

Кто там еще? Полоумная старуха с великовозрастной дочкой, две деревенские сестры-тетехи... ага, старый школьный друг. Ну, возможно, и будет от него какая-то польза. Хотя... уж больно немолод, прилично за восемьдесят.

– Кто в Козловске выходит? – стукнула в дверь проводница. – Через сорок минут остановка!

Ксения едва успела привести себя в порядок и наложить экспресс-макияж. На перрон славного города Козловска, однако, сошла интересная, знающая себе цену успешная молодая женщина, в отлично сидящем брючном костюме, с сумкой известной фирмы и с дорогим чемоданом на колесиках.

- Помощь нужна? – разлетелся к ней носильщик.
- Обойдусь, – коротко ответила Ксения. – Где тут у вас такси?

Носильщик показал и даже проводил пассажирку до полдороги, все равно ему нечего было делать. Таксист, увидев издали такую красотку, выскочил из машины и распахнул дверцу, аккуратно уложив чемодан в багажник.

- Куда едем, дорогая?
- В гостиницу «Золотые рога». Знаешь такую?
- А как же!

Все пятнадцать минут дороги таксист разливался соловьем, какой красивый у них город, какая у него богатая история и как хорошо Ксении будет в нем отдыхать.

Гостиница, естественно, располагалась в центре города, в хорошо отреставрированном особнячке девятнадцатого века, на стоянке перед ней машин было немного, из чего Ксения сделала вывод, что гостиница по местным меркам довольно дорогая и обычные туристы предпочитают что-нибудь попроще или вообще частный сектор. Наверху, на крыше, красовалась вывеска – название и козлиный силуэт, рога, наверно, и правда вечером горели золотым светом.

Немолодой солидный швейцар распахнул двери гостиницы, и Ксения вошла в холл, где было тихо и прохладно.

За стойкой сидела веснушчатая девица не первой молодости. На лице ее была написана дежурная приветливость.

- Чем могу вам помочь? – старательно выговорила она.
- Разумеется, дать мне номер. – Ксения сделала вид, что удивилась. – Чем еще можете вы помочь здесь, в гостинице?
- У вас забронировано?
- Нет.
- Тогда я очень сожалею, но свободных номеров нет.

Девица хотела сказать это твердо и высокомерно, но получилось заученно, и улыбка ее не слишком красила, зубы-то надо бы подправить, а то кривоваты.

– Дело в том, что моя фамилия Голубева, – Ксения вздохнула и слегка поморщилась, – и я приехала по приглашению своей тети Анны Ильиничны Го...

Девица не дала ей договорить, она вытаращила глаза и, прикрыв рот ладошкой, вскрикнула:

- Ой! – что было совершенно непрофессионально.
- Что с вами? – холодно спросила Ксения. – Вы можете позвонить в номер к тете и сообщить ей, что я...
- Да ведь она умерла! – бухнула девица и тут осознала, что так нельзя делать, и еще больше расстроилась.

– Как – умерла? Что ты несешь-то?

Ксения добавила в голос немного вполне объяснимой тревоги, но не перебарщивала, пусть знают, что ее просто так не испугать и из себя не вывести.

Девица не ответила, она остервенело жала на кнопку вызова. Прибежал толстый охранник, цыкнул на девицу.

- Она вот говорит, что она Голубева! – девица тыкала пальцем в Ксению.
- Ваш паспорт, пожалуйста. – Было видно, как охранник за стойкой потерял терпение и ткнул ошалелую девицу, которая изображала в этой гостинице портье, кулаком в бок, и та наконец громко сглотнула и перестала размахивать руками и ойкать.

Охранник внимательно пролистал паспорт и вернул его Ксении, после чего связался по рации, очевидно, с хозяйкой, потому что через три минуты явилась солидная представительная

дама, одним строгим взглядом она заставила дуру портье замолчать, а охранник при ней даже заметно похудел.

– Пройдемте ко мне в кабинет! – пригласила дама. – Там будет удобнее разговаривать. Ксения безразлично пожалала плечами и прошла за ней, оставив чемодан у стойки.

– Итак, – сказала она, – что вы можете мне сообщить? Вижу, что все не так гладко, как мне бы хотелось.

– Дело в том, что ваша... – хозяйка помялась.

– Говорите прямо! – ободрила ее Ксения. – Тетушка была мне не родная, а сводно-двоюродная. Я в жизни ее не видела и, откровенно говоря, сама не знаю, какое там у нас родство.

Хозяйка обрадовалась и кратко изложила суть дела.

– Угу, значит, нашли ее труп утром, и как она умирала, никто не видел...

– Если вы думаете, что у нас в гостинице можно так запросто разгуливать по номерам... – обидчиво начала хозяйка, – то у нас очень строгие порядки...

– Простите, но ваши порядки начинаются со стойки портье, а там...

– Вы не представляете, как здесь трудно найти приличный персонал! – вздохнула хозяйка.

– Понимаю вас, – кивнула Ксения. – Смерть тетушки для вас не слишком хорошая реклама.

– Не говорите! Полиция заперла номер и до выяснения причины смерти вашей... Анны Ильиничны не разрешает его убрать.

– Разумеется, но остальные три номера на этаже ведь свободны? Так я бы хотела снять один. И я жду от вас скидку как минимум пятьдесят процентов.

– Скидку? – вскричала хозяйка, но посмотрела Ксении в глаза и согласилась.

– И последний вопрос: не подскажете, как бы мне познакомиться с родственниками?

– С родственниками? Да зачем вам? – Хозяйка поморщилась. – Один только интерес представляет, племянник Григорий. Он сейчас как раз в ресторане завтракает, я вас представлю.

Поздним утром в ресторане «Серебряное копытце» было мало народу. За столиком на двоих в углу зала доедал свой омлет незаметный лысоватый мужчина. Увидев хозяйку, которая шла впереди, он заулыбался и привстал с места:

– Доброе утро, Елена Васильевна! Вот сижу и жду, когда вы появитесь! Уж и не надеялся вас повидать!

Тон его был достаточно игрив, из чего Ксения сделала вывод, что хозяйка его как-то поощряет. Видно, думает, что он большое наследство получит, и надеется, что как-то сумеет с ним бизнес замутивить. Или же хочет фабрику перекупить по сходной цене. Так-то он для нее никакого интереса не представляет. Потертый какой-то, жизнью побитый слегка.

Сколько ему? Ага, сорок два. Иные в сорок лет только жить начинают, считают, что у них еще все впереди, а такие, как этот Григорий, еще лет пять протянут, а потом уж и вовсе заплесневеют и не заметят, как старость накатит. Впрочем, с Григорием не совсем так, он-то наследство ожидает, то есть считает, что уже дождался, раз тетка умерла. Небось наобещала ему с три короба, а сама...

Ксения вдруг ощутила к этому типу легкую жалость и сама себе удивилась.

– Вот, Григорий Николаевич, разрешите вам представить еще одну вашу родственницу. – Хозяйка гостиницы была с ним профессионально любезна.

Ксения выскользнула из-за ее достаточно широкой спины и предстала перед ним во всей красе.

Солнце освещало ее с ног до головы и запуталось в светлых волосах, которые Ксения незаметно успела распушить по плечам. От этого вокруг ее головы возник сияющий золотой

нимб. И очки темные она сняла, так что Григорий увидел ее голубые глаза. Но это потом, а сначала он поразился стройной фигуре, и вообще она показалась ему удивительно красивой.

– Я вас оставлю, – сказала хозяйка. Теперь в ее голосе слышалось легкое недовольство, но Григорий этого не заметил.

Ксения присела за столик.

– Ну, – опомнился Григорий, – давайте знакомиться. Кто же вы, прелестная незнакомка? Вы действительно состоите в родстве с... тетушкой?

Официантка принесла ему кофе, Ксения заказала тоже и, пока ждала, рассказала ему свою краткую историю.

– Можете мне не верить, но тетушка сама меня нашла и написала по электронной почте. Будем у компьютера, покажу.

– Да я верю, – улыбнулся Григорий, – вполне в духе тети Ани. Решила собрать всю родню и просто близких людей... с каждым поговорила, каждому обещала что-то подарить и вообще не обидеть. Знаете, я помню какие-то разговоры. Тетка очень сердилась на своего мужа, который помогает сводной сестре, жаловалась моей маме – дескать, вообще она ему никто, а он деньги посылает.

Ксения забеспокоилась было, что речь пойдет и о ней, то есть о дочери сводной сестры, но Григорий сказал, что о ее существовании никто из родственников понятия не имел. Что ж, это к лучшему.

Принесли кофе, и Ксения, попробовав, не удержалась от замечания, что кофе здесь варить не умеют.

– Да? – удивился Григорий. – А мне нравится. Сладко и крепко, а что еще нужно?

И такая непосредственность Ксении понравилась. Не стал поддакивать и врать, какой кофе он пил в Италии и в Париже, не стал пыжиться, а сказал честно. Может, и неплохой он человек, просто не повезло. И сейчас не повезет, поманит красивая жизнь и уйдет.

За кофе она искусно повернула разговор о нем самом.

Как известно, о себе, любимом, любой мужчина может говорить бесконечно, и никогда ему эта тема не наскучит. Григорий, однако, о себе распространялся скупой, сдержанно, немногословно. Ксения решила немного с ним пофлиртовать, и это он приветствовал. Да кто бы на его месте отказался...

После завтрака он предложил показать ей город, сказал, что у него есть свободное время. Так, будний день, а он никуда не торопится. Стало быть, уволился. В ожидании наследства. Ну-ну...

Центр города можно было обойти пешком за полчаса, и на главной пешеходной улице они встретили полноватую крашеную блондинку, которая буквально налетела на Григория.

– О, Эльвира! – Он не делал вид, что рад встрече. – Вот, разреши тебе представить Ксению...

Эльвира хотела посмотреть презрительно, вот, мол, уже нашел какую-то дешевку, еще и богатым не стал, а она уже прилипла в расчете на наследство, но разглядела одежду Ксении, а главное – сумку, и прикусила язык.

– Дочь сводной сестры дяди Николая, твой муж должен помнить ее мать.

– Откуда она взялась? – Теперь в голосе Эльвиры слышалась неприкрытая ненависть.

– Приехала по приглашению, – улыбнулась Ксения. – Приятно познакомиться!

Эльвира прошипела что-то нечленораздельное, из чего было ясно, что ей знакомиться неприятно, развернулась круто и ушла.

– Кажется, мне не слишком рады. – Ксения улыбнулась Григорию как сообщнику.

– Не обращайтесь внимания! – Он подхватил ее под руку, потому что какой-то шустрый парень на электрическом самокате едва не наехал прямо на них. – Она мне никогда не нравилась.

– Ты представляешь? – накинулась Эльвира на мужа, войдя в квартиру. – Приехала одна такая... говорит, что дочка сводной сестры дяди Николая! Гришка возле нее ходит, как кот возле сметаны. Губы уже раскатал! Да ты меня слушаешь ли?

Михаил оторвался от монитора и поглядел на Эльвиру удивленно:

– Какая дочка?

– Ксения Голубева! Паспорт ему показала! Да это еще проверить надо, Голубевых этих пруд пруди!

– Ну... что-то такое я помню, была у дяди Коли сводная сестра, дочка мачехи... кажется, она из дома рано уехала... моя мама тогда маленькая совсем была, с ней не общалась...

– Да что с тобой говорить! – в сердцах сказала Эльвира и закрыла за собой дверь ванной. Там она пустила воду на полную мощность и достала из кармана халата телефон.

Ответ последовал далеко не сразу.

– Я же просил тебя не звонить! – раздался из трубки недовольный мужской голос. – Особенно в такое время... Ты же знаешь мои обстоятельства...

– Еще как знаю! – прошипела в трубку Эльвира. – Ох уж эти твои обстоятельства! Только о них и слышу! Мои обстоятельства, мои обстоятельства... Но ты мне не звонишь уже три дня! Я места себе не нахожу! Я схожу с ума! Валерик, давай увидимся завтра, на нашем прежнем месте... на том месте, где тогда, ты помнишь... у моего козла завтра офисный день, и я могу...

– «Я могу!» – передразнил ее собеседник. – Зато я не могу! Не могу – ты понимаешь?

– Не можешь или не хочешь? – всхлипнула Эльвира. – Ты уже забыл, что обещал мне? Что ты бросишь эти свои... обстоятельства и мы с тобой будем вместе!

– Ты отлично знаешь, что...

– Да, я знаю, что ты мне все время твердишь! Тебе нужны деньги! Я только об этом и слышу!

– Да, мне нужны деньги! Очень нужны! Я должен расплатиться с серьезными людьми, иначе... сама понимаешь. Это не просто слова, у меня и правда неприятности! А тут еще ты... Так что завтра ничего не получится, ни завтра, ни послезавтра!

– А что, если я достану деньги, много денег? – немного погодя спросила Эльвира совершенно другим голосом.

– Это только пустые разговоры! Откуда у тебя много денег?

– А вот и нет! Вот и не пустые! Ты же знаешь, что на днях умерла моя тетка, очень богатая...

– Ну и что с того? Во-первых, она не твоя тетка, а твоего... а ты здесь вообще ни при чем. А во-вторых, весь город знает, что тетку еще не разрешают хоронить и завещание до сих пор не вскрывали! Так что нечего зря болтать!

– Это все только вопрос времени! Ты ведь знаешь, что мой муж сделает все, что я ему велю.

– В-третьих, весь город знает, что по завещанию все достанется не тебе и даже не твоему мужу, а этому... как его... Григорию. Так что эту тему можно благополучно закрыть...

– А вот и нет! Это мы еще посмотрим! Но дело даже не в завещании... не только в завещании...

Эльвира вспомнила бархатную коробочку, которую подарила ей покойная старуха, вспомнила холодное синее сияние сапфиров.

– Короче, Валерочка, если я смогу прямо сейчас достать денег. Прямо завтра. Много денег. Если я смогу...

– Будут деньги – тогда и позвони. А сейчас заканчиваем разговор. Я больше не могу разговаривать...

Из трубки донеслись сигналы отбоя.

И в то же время Эльвира услышала скребущийся звук в двери и тихий, жалобный голос мужа:

– Вирочка, ты еще долго? Мне очень нужно...

– «Очень нужно!» – передразнила его Эльвира. – Тебе постоянно что-нибудь нужно...

На следующий день, едва дождавшись, когда муж уедет в офис своей фирмы, Эльвира надела темные очки, которые купила пару лет назад на турецком курорте, повязала на голову темный платок и, уверившись, что ее невозможно узнать, взяла большую хозяйственную сумку и отправилась в ювелирный магазин.

В славном городе Козловске было аж три ювелирных магазина, но один из них принадлежал большой международной торговой сети, второй, слишком маленький, дышал на ладан и доживал последние дни, а вот третий, владельцем которого был тертый калач Борис Семенович Паперный, несмотря на небольшие размеры и отсутствие влиятельных покровителей, уже тридцать лет уверенно держался на плаву.

В этот-то магазин и отправилась Эльвира.

Она была здесь, можно сказать, завсегдаем – то покупала здесь какую-нибудь дорогую побрякушку, когда у нее появлялись свободные средства, то продавала ее же за полцены, когда ей срочно были нужны деньги на какую-то более насущную покупку.

Войдя в магазин и убедившись, что там никого нет, кроме ее самой и Бориса Семеновича, она подошла к прилавку и прошипела:

– Здравсте! Как у вас с деньгами?

– Здравствуйте, Эльвира Эдуардовна! – отозвался ювелир, взглянув на нее поверх очков. – Что вы имеете в виду? Денег всегда меньше, чем хотелось бы...

– Тс-с! – зашипела Эльвира, поправив темные очки и глубже натянув платок. – Это не я!

– То есть вы хотите, чтобы я вас сегодня не узнал? Да ради бога! Мне это ничуть не трудно. Так что вам угодно, мадам? По вашему внешнему виду я могу заключить, что умер кто-то из ваших близких, а по размеру вашего ридикюля могу предположить, что в нем находится прах этого человека...

– Не болтайте ерунды и закройте, пожалуйста, дверь, чтобы нам никто не помешал!

– Нам таки и так никто не мешает. Мне уже несколько дней никто не мешает, к сожалению. Вы таки видите здесь еще кого-нибудь, кроме меня и своего отражения в зеркале? Вот и я тоже не вижу. Но если вам так угодно – я таки закрою эту несчастную дверь. Пусть вы чувствуете себя в моем магазине как дома.

Он запер дверь изнутри, повесил на нее табличку «Перерыв» и повернулся к Эльвире:

– А теперь, мадам, не угодно ли сообщить, чего конкретно вы от меня хотите?

– Как у вас с деньгами? – повторила Эльвира.

– Вообще-то это невежливый вопрос. Если бы я вас узнал, мадам, – но я вас не узнаю, раз вам так угодно, – я бы сказал, что задавать такой вопрос неприлично. Особенно человеку моей профессии. Но думаю, что вы спрашиваете меня не просто так...

– Вот именно! Я спрашиваю, потому что принесла вам такое... такой... такую... короче, вам понадобятся все ваши деньги. Да еще вам их может не хватить.

– Вы меня начинаете интриговать, мадам. Что же такое вы мне принесли?

– Менюру... то есть понюру... – неуверенно проговорила Эльвира, пытаясь вспомнить красивое слово.

– Может быть, парюру?

– Вот-вот, ее самую. Только я вас прошу, ничего не спрашивайте и никому ничего не рассказывайте.

– Позвольте догадаться. Может быть, это как-то связано с тетужкой вашего мужа? Я таки был прав, когда предположил, что ваш визит связан со смертью близкого человека...

– Я же вам сказала – ничего не спрашивайте! Никаких вопросов – или я уйду!
– Все-все! – ювелир поднял руки. – Я умолкаю и весь обращаюсь в слух! Итак, что вам угодно? Вы принесли мне парюру и хотите ее продать? Парюра большая или малая?

– Большая, очень большая! Самая большая, какую вы видели. Такая большая, что у вас не хватит на нее всех ваших денег. Вы сейчас побежите по знакомым занимать...

– Что вы говорите, мадам... – недоверчиво протянул ювелир. – Вы меня буквально пугаете.

– Ну, сейчас я вам покажу... но только обещайте, что никто, ни одна душа...

– Вы меня обижаете, мадам. Ювелир – это как священник, как врач. Все, что сказано ему, умрет вместе с ним. Правда, я надеюсь, что еще не очень скоро.

Эльвира снова покосилась на дверь, поставила свою сумку на прилавок, достала из нее объемистый сверток, развернула, извлекла большую замшевую косметичку на молнии, из этой косметички вынула бархатную коробочку и протянула ее ювелиру:

– Вот! И готовьте все ваши денежки.

Ювелир открыл коробочку, заглянул в нее, хмыкнул, вставил в глаз увеличительное стекло, снова заглянул в коробку, снова хмыкнул и наконец поднял глаза на Эльвиру:

– Извините, мадам, какой у нас сейчас месяц?

– При чем здесь это? Ну, июль, кажется... а что?

– Да, мне тоже помнится, что с утра был июль. Значит, до Нового года еще довольно долго...

– Ну да... а при чем здесь Новый год? Вы лучше скажите, у вас хватит денег, чтобы купить эту... как ее... понюру?

– Что? А, да, конечно, только, как мы с вами сейчас выяснили, до Нового года еще долго, и я не знаю, стоит ли ее покупать...

– Да при чем здесь Новый год? – выпалила Эльвира.

– Ах да, я вам не сказал... моя внучка – ей четыре года – она будет рада, если найдет такое под елкой. Она вообще очень любит дешевые яркие стекляшки.

– Что?! – Темные очки Эльвиры сползли на нос, она выпучила на ювелира глаза. – Какие стекляшки? Да тут одни сапфиры чего стоят... они по четыре карата... или по четырнадцать... я уже не говорю про бриллианты...

– Сапфиры... бриллианты... – печально протянул ювелир. – Какие красивые слова... уверяю вас, мадам, это стекляшки, хотя довольно красивые.

С этими словами он закрыл коробочку и протянул ее Эльвире.

– Да что вы такое говорите? Да как вы можете? Да что вы такое несете? А, я понимаю – вы хотите меня надуть... обмануть... развести... вы хотите сбить цену! Но этот номер у вас не пройдет! Я пойду в другой магазин! Я пойду к другому ювелиру!

– Мадам, мы договорились, что я вас не узнаю – но я таки действительно вас не узнаю! Вы не хуже меня знаете, что в этом городе всего три ювелирных магазина и мой – самый крупный и самый приличный из них. Но даже если бы их было тридцать три, вам всюду сказали бы точно то же самое: это стекляшки. Из уважения к вам могу употребить более приличное слово – бижутерия. Согласен – довольно красивые стекляшки, блестящие, но я таким не торгую.

– Не может быть...

– Очень даже может! Вот, кстати... если вы мне не верите, может быть, вас убедит вот это...

Он снова взял у Эльвиры коробочку, открыл ее, подковырнул пинцетом бархатную подкладку и вытащил из-под нее маленькую этикетку с какой-то непонятной надписью и четырехзначным числом.

– Вы это видите?

– Что? А, да... семь тысяч долларов... это, конечно, совсем не то, на что я рассчитывала, но все же слишком дорого для стекляшки, вам не кажется?

– Долларов? Мадам, вы видите этот значок? Это вовсе не доллары, это каури... валюта Мезонезии, маленького островного государства в Тихом океане. Я побывал там несколько лет назад и знаю. В пересчете на наши деньги это составляет примерно семьсот рублей. Ну, может, сейчас уже восемьсот...

– Сколько?! – И Эльвира издала такой вопль, какой иногда раздается по ночам в тропическом лесу, когда леопард, уже почти настигший добычу, в последний момент отпускает ее...

Ее разочарование и ярость были так сильны, что должны были найти выход. И она вцепилась в несчастного ювелира и начала его трясти, шипя и брызгая слюной:

– Ты, старый жулик! Ты хочешь меня напарить? Не выйдет, налоговую напущу, полицию! У меня в Следственном комитете знакомый работает, он тебе устроит!

Ювелир, однако, несмотря на солидный возраст, а может быть именно поэтому, оказался не робкого десятка. И то сказать – тридцать лет продержаться в таком опасном бизнесе – это вам не кот начихал. А его даже – тьфу-тьфу – ни разу не грабили.

– Дорогая моя, – сказал он твердо, с неожиданной силой снимая со своих плеч руки Эльвиры. – Идите-ка вы домой и успокойтесь. Здесь вам больше делать нечего. Верю, что вы не хотели меня обмануть, да это вам бы и не удалось. Так что это вас обманули. Что ж, это ваши проблемы, меня они не касаются. Не забудьте забрать вашу бижутерию, мне она не нужна.

Эльвира машинально смахнула в сумку дешевые стекляшки и ушла не оглядываясь. Перед ее глазами стояло лицо тетки, этой заразы. Лицо насмешливо улыбалось, и узкие бледные губы шептали какие-то презрительные слова.

– Старая сволочь... – прошипела в ответ Эльвира, но тетка ее не услышала.

– Мама, я пошла! – крикнула Василиса, как обычно, перед этим проверив на всякий случай, выключен ли газовый баллон и вообще заперта ли кухня.

С некоторых пор она повесила на дверь кухни навесной замок, потому что мать вечно старалась проникнуть на кухню, утверждая, что она, Василиса, морит ее голодом. Ага, а сама ест за четверых, а жалуется всем соседям и посторонним людям на улице, что дочка – злодейка, хочет ее смерти.

Правда, никто ее не слушает, соседи давно уже знают, что мамаша в маразме глубоком. И доктор тоже сказал – деменция, что же вы хотите. Таблетки какие-то дал, только мать их выплевывает.

Василиса прошла по заросшему сорняками саду, подумала и не стала запираť калитку: если мать все же найдет спрятанные тщательно спички и подожжет дом, то хоть пожарные смогут войти, а то и шланг не протянуть. Тяжело вздохнув напоследок, она отправилась в город, на свою квартиру, которую сдавала одной паре. Эти двое вдруг ни с того ни с сего бросили свои семьи, оставив все нажитое, и теперь второй год жили в грехе, совершенно свободные. Раз в месяц Василиса проверяла квартиру и получала от них деньги.

Она поднялась на второй этаж и позвонила в дверь, чтобы не смущать людей, ворвавшись внезапно. Никто не открыл, тогда она достала ключи.

Замок не только не проворачивался, более того, ключ вообще туда не входил. Что такое? Василиса пригляделась и поняла, что замок новый. Ну да, вот и царапины на двери свежие. Что ж это такое, они замок, что ли, поменяли? Отчего ей не позвонили? Она стукнула в дверь ногой, потом набрала номер телефона съемщицы.

– Что случилось? Почему мне ничего не сказали, не позвонили? Разве так можно?

– Она еще спрашивает! – заорала вежливая и спокойная прежде съемщица. – Она еще вопросы задает! Это я должна спрашивать, почему нас выселили за неделю до срока? И деньги не вернули, и заранее не предупредили?

– Что такое, кто вас выселил?

– Новые хозяева! Сама квартиру продала, а нам ничего не сказала! Так, знаешь, не делают, хозяева обязаны съемщиков заранее предупредить, чтобы люди другое жилье нашли. А так куда нам с вещами, не на вокзале же ночевать...

– Какие хозяева, кто вас выселил? – Сердце у Василисы с размаху ухнуло вниз, предчувствуя, что случилось страшное.

– Ничего не знаю! – Съемщица понизила голос, почувствовав, что дело нечисто. – Сами разбирайтесь с Линкой, если что, я в свидетели не пойду! Мне только этого не хватало! Деньги за неделю можете не возвращать! – И бросила трубку.

– Линка! – Василиса одним огромным скачком поднялась на верхний этаж, где над ними жила разбитная молодящаяся бабенка Линка. Раньше, когда здесь жили, вечно она их с матерью заливала. То кран забудет закрыть, то унитаз у нее сломается.

– Открывай! – Василиса не стала звонить, потому что руки дрожали так, что и кнопку не нажать, она колотила в дверь ногой. – Открывай немедленно!

– Чего надо? – Загремели замки, и на пороге появился здоровенный мужик в тельняшке. – Чего ломишься?

– Ты еще кто такой? – оторопела Василиса.

– Это муж мой, Анатолий! – запела, выглядывая из-за спины мужика, вертлявая бабенка с бегающими глазками. – Можешь нас поздравить, Вася, с бракосочетанием. И вот хорошо, что пришла, я сама тебя хотела искать, да все недосуг было со свадьбой...

– Ты что творишь? – Василисе все же удалось протиснуться мимо здоровенного мужика. – Ты что себе позволяешь? Ты почему съемщиков выгнала из моей квартиры?

– Из твоей? – Из голоса соседки тут же пропали приветливые интонации.

Линка уперла руки в бока и пошла на Василису тараном, визгливо выговаривая:

– Что значит – твоей квартиры? Она и твоей-то никогда не была, а теперь моя!

– Как – твоя?

– А это ты видела? – Линка мигом вытащила откуда-то из рукава халата бумагу.

Официальный документ на гербовом бланке.

– Что такое? – Василиса потянулась, но Линка бумагу в руки не дала, а из второго рукава халата, как фокусник, вытащила другую.

– Вот тебе копия, смотри, читай, хоть ешь!

Лист, как живой, задрожал у Василисы в руках, когда она прочитала заголовок «Дарственная». И дальше: «Я, Евсюкова Вера Ивановна...»

Василиса почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног, что сбываются все ее самые страшные предчувствия и опасения. Ждала она от матери неприятностей, но чтобы такое...

– Это... – от волнения она начала заикаться, – это ты ее обманула... обвела вокруг пальца...

– С чего это? – визгливо спросила Линка. – Документ настоящий, подлинный, нотариус заверил, все честь по чести, она сама его подписала, а квартира – ее, матери твоей, ты тут даже не прописана, так что прав никаких не имеешь.

Василиса с ужасом осознала, что так оно и есть, в свое время были они все прописаны в деревенском доме, она там и осталась, когда матери квартиру от работы дали. Сто лет назад это было, ей только-только восемнадцать исполнилось.

– Да она же в маразме, она ничего не соображает!

– И ничего подобного! Нотариус с ней разговаривал, она ему толково отвечала и собственноручно подпись поставила! Так что не ври тут, что она в маразме!

– Я в полицию буду жаловаться!

– Иди! – нагло заржал мужик. – У меня там брат родной служит, они тебя и слушать не станут!

- Я в суд подам! Весь город узнает, что вы воры и мошенники!
- Да я тебя... – Мужик надвинулся на Василису, но Линка оттолкнула его.
- Иди отсюда по-хорошему!

– Я-то пойду! – Василиса от злости стала более пронизательной и поняла, что этим двоим до суда дело доводить не с руки. – Но ты матери голову заморочила, что ей обещала? Что ухаживать за ней до смерти будешь? Так я ее сюда сегодня же приведу, сами с ней возиться станете, раз уж обещали!

– Это уж фиг, ты родная дочка, ты и возись! Вот что, – Линка понизила голос, – вот если принесешь мне сто тысяч, то я эту дарственную уничтожу. Не было ее. Или официально от квартиры откажусь.

– Сто тысяч? – ахнула Василиса. – Да где же я их возьму?

– Это уж меня не касается, а только так и будет. А если нет, то плевала я на твои суды! У меня документ имеется, а тебя там и слушать не станут! И пошла вон!

Тут мужик развернул Василису и легонько поддал сзади коленом, так что опомнилась она только на лестничной площадке. И побежала домой, не обращая внимания на изумленные взгляды встречных.

Дома мать каким-то образом добралась до платяного шкафа, хотя Василиса перед уходом всегда запирала его на ключ, достала оттуда постельное белье и сосредоточенно рвала на мелкие кусочки второй пододеяльник.

– Мама! – Василиса дернула его к себе, ветхая ткань расползлась, так что годна будет только на тряпки.

Василиса, однако, не расстроилась, ее волновало другое.

– Мама, посмотри сюда, что это такое? – Она положила на стол изрядно помятую копию дарственной.

– Не знаю, – мать равнодушно отвернулась.

– Посмотри! – приказала Василиса, на всякий случай отойдя подальше, поскольку ей хотелось схватить мать и хорошенько встряхнуть.

– Не вижу! – упиралась мать. – Очки дай!

Надев очки, она долго пялилась на лист бумаги.

– Что это? Пенсию прибавят? А на сколько? Каждый месяц или одноразово?

– Хватит придуриваться! – заорала Василиса срывающимся голосом. – Ты прекрасно знаешь, что это такое! Ты отдала свою квартиру этой заразе Линке! Вот просто так взяла ни с того ни с сего и подарила? Зачем, зачем ты это сделала?

Василиса все-таки не удержалась и встряхнула мать.

– Зачем? – Та с силой отпихнула ее руку. – Да чтобы тебе не досталась после моей смерти! Ты мне всю жизнь испоганила, всю старость! А до этого сколько из-за тебя позора приняла!

– Из-за меня? – оторопела Василиса.

– Ненавижу тебя! – орала мать, не слушая. – Ты не дочь, а ехидна, моей смерти всегда хотела!

– Да мы же теперь с голоду умрем, мы же на те деньги жили! Мне придется идти на работу, а тебя сдам в психушку!

Мать злобно рассмеялась и выставила Василисе корявую фигу. И та поняла, что мать права, никуда ее не возьмут, там и одиноким старикам мест не хватает, а тут дочь родная имеется.

– Люди! – вдруг заорала мать. – Помогите! Она меня убивает! С ножом на меня идет!

А сама смотрит хитро так, злорадно.

И тогда Василиса ударила мать по щеке, чтобы не видеть больше этого выражения злоградской ненависти.

Мать замолчала и скорчилась на стуле испуганно, что ничуть не разжалобило Василису.
– Что делать? – спросила она себя.

И тут в голове всплыла икона. В самом деле, вот что ее спасет. Конечно, она сказала тетке, что пожертвует икону церкви, но сейчас явно не тот случай. Нужно продать икону, это поможет поправить дела. Заплатить Линке... Сколько она сказала? Сто тысяч? Иначе они с матерью умрут с голоду или же она, Василиса, просто повесится от тоски и безнадежности. Ничего, Бог простит!

В ювелирном магазине Паперного негромко звякнул дверной колокольчик.

Борис Семенович оторвался от изучения курса валют на московской бирже и увидел в дверях женщину неопределенного возраста, в длинной бесформенной юбке, трикотажной кофточке горчичного цвета и платочке оттенка «жуть зеленая». Женщина оглядывалась по сторонам с испуганным удивлением, как оглядывался бы обитатель тропических лесов Новой Гвинеи или таежной займки Лыковых, случайно попав на гамбургскую компьютерную выставку.

– Дама, что вам угодно? – проговорил Паперный, решив прийти на помощь растерянной клиентке.

– Я... мне... да... – мялась та.

– Может быть, вы хотите купить нательный крестик? – предположил Борис Семенович, оценив внешний вид посетительницы. – У нас есть крестики на любой бюджет – серебряные, золотые... опять же, большой выбор цепочек...

– Нет, не то... крестик у меня, конечно, есть...

– Ну, тогда, может быть, образок... есть очень хорошие, с чернью, зернью, на перегородчатой эмали...

– Нет, не то...

Женщина взяла себя в руки и решительным шагом подошла к прилавку, перегнулась через него и страшным шепотом обратилась к Паперному:

– Мне ничего не нужно покупать... но у меня к вам дело, важное дело...

И тут Паперный узнал эту женщину.

Вообще, Козловск – город маленький, там почти все друг друга знают, и если Борис Семенович не сразу узнал эту посетительницу, то только потому, что она обладала на редкость невзрачной и непримечательной внешностью, и ее трудно было узнать, даже если вы только что с ней встретились.

– Василиса... простите, не помню отчества... – проговорил Паперный смущенно.

– Тсс! – зашипела на него женщина. – Это не я! То есть даже если это я, вы меня все равно не знаете!

– Как скажете... – скривился Паперный. – Так что у вас за дело? И если можно, побыстрее. Я собираюсь обедать.

– Я хочу кое-что продать.

– Но почему вы обратились именно ко мне?

– Потому что я не знаю других богатых людей.

– Ну, слухи о моем богатстве явно преувеличены... вот ваша тетушка... она действительно была богата...

– Тсс! – снова зашипела Василиса. – Вот о ней лучше не нужно говорить!

– Понятно, – отозвался Паперный, хотя на самом деле ничего не понял. – Так о чем, собственно, речь?

– Об иконе! – прошептала Василиса страшным шепотом. – Об очень дорогой иконе. Московская школа, шестнадцатый век... или семнадцатый. Очень знаменитый иконописец. Какой-то Иоанн. Серебряный оклад, все как положено... но давайте я вам ее покажу, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

– Икона? – переспросил Паперный и с сомнением пожевал губами. – Вообще-то я интересуюсь иконами и неплохо разбираюсь в них, но не уверен...

– Да вы на нее только посмотрите!

– Ладно, покажите, что там у вас... вы меня действительно заинтриговали...

Василиса расстегнула свою сумку, полезла в нее, достала доску, завернутую в несколько газет «Козловский вестник», развернула и торжественно положила на прилавок.

Паперный уставился на икону и недовольно поморщился:

– Вы говорите, шестнадцатый век?

– Или семнадцатый, может быть, семнадцатый. Насчет шестнадцатого я не уверена.

– Насчет семнадцатого я тоже очень сомневаюсь.

– А почему это вы сомневаетесь?

– Потому что ни в семнадцатом, ни тем более в шестнадцатом веке офсетная печать еще не была изобретена.

– Что?! – возмущенно воскликнула Василиса. – Какая еще печать? Это настоящая икона, московская школа! Она оценена в несколько миллионов долларов!

– Очень сомневаюсь.

– Да что вы заладили – сомневаюсь, сомневаюсь... я понимаю, вы хотите сбить цену. Ну, так скажите, сколько готовы за нее заплатить. Пусть не миллион долларов, пусть меньше, но назовите реальную цену – или я пойду к другому человеку!

– Да пожалуйста, идите к кому угодно! Вам никто за нее и ста долларов не даст!

– Что вы такое говорите? – В голосе Василисы растерянность смешалась с последними остатками надежды. – В Лондоне за нее предлагали миллионы... московская школа... да один серебряный оклад чего стоит...

– Серебряный? – Паперный поморщился. – С чего вы взяли, что он серебряный? Это не серебро, а дешевый сплав на основе цинка, штамповка и гальваническое покрытие.

– Не может быть...

– Поверьте мне, я в этом разбираюсь. – Паперный колупнул оклад ногтем, под серебряной поверхностью проступила блеклая тускло-серая основа.

– Но сама икона... московская школа... знаменитый иконописец... таких икон сохранилось всего две или три...

– А сама икона – я вам еще раз говорю, дорогая моя: это офсетная печать, дешевка для туристов. Правда, насчет московской школы вы, пожалуй, правы...

– Вот видите, я права!

– Ну да, такие иконы печатают в Москве, на Солянке, и сбывают туристам на Арбате... они и мне хотели предложить на продажу, но я отказался – не хочу торговать ширпотребом, не хочу терять репутацию приличного магазина...

– Не может быть! Вы пытаетесь меня обмануть! – в отчаянии вскричала Василиса.

– Да взгляните же! – Борис Семенович подцепил уголок иконы тем же ногтем, осторожно потянул – и от доски отклеился краешек бумаги с цветной печатью. – Вы видите? Рисунок печатают на бумаге и потом наклеивают на доску. Даже не на доску, а на кусок ДСП... древесно-стружечная плита... – пояснил он, заметив в глазах Василисы явное непонимание.

– Я знаю, что такое ДСП! – произнесла та трагическим, дрожащим голосом. – Я не знаю только, как дальше жить! Я утратила последнюю надежду!

– Вот здесь я вам ничем не могу помочь! – Борис Семенович Паперный развел руками.

– За что? – воскликнула Василиса. – За что мне это... Что я им всем сделала?

Она завернула злополучную икону в мятые газеты, с ненавистью затолкала ее обратно в сумку и, понурившись, вышла из магазина и поплелась к дому...

Паперный пожал плечами и занялся своими делами.

Василиса же пошла к дому кружным путем, бессильно сгорбившись и шаркая ногами. На плечи ее давил непосильный груз. Делать было решительно нечего, только пойти в сарай и повеситься. И она всерьез думала, как это сделать, вспоминала, есть ли дома достаточно прочная веревка, нужно ли ее мылить или и так сойдет. Можно, конечно, налотаться материнских таблеток, но вряд ли она умрет, на мать вон они вообще не действуют.

Она свернула к речке и посидела немного на обрывистом берегу, тоскливо глядя вниз. Прыгнуть в воду? Но тут, под обрывом, мелко, а где глубоко, там она выплывет. На этой речке выросла, плавать хорошо. Нет, лучше повеситься.

Она бросила икону с обрыва в воду – пускай себе плывет. Надо же, тетка какой сволочью оказалась. За что она на них так? Что ей мать плохого сделала? И мать тоже на нее зверем смотрела. Впрочем, она сейчас всех ненавидит, особенно единственную дочь. Все, кончилось Василисино терпение, больше она не может так жить.

Она открыла калитку и сначала хотела вообще не заходить в дом, а сразу заняться своим делом в сарае, но вспомнила, что подходящая веревка лежит в доме. А когда она вошла в дом...

Мать лежала на полу, лицо ее было серого цвета, и поза такая, что Василиса сама едва не упала от страха. Ноги не держали, она опустилась на пол и подползла к мертвому, как она думала, телу.

– Мама! Что с тобой?

Глаза матери открылись, рот искривился, из него потекла на подбородок ниточка слюны.

– Господи! – Василиса вскочила на ноги и заметалась по дому в поисках телефона.

«Это я, – стучало у нее в мозгу, – я ее ударила... но... когда я выходила, она сидела за столом...»

Старенький мобильник разрядился. «Скорую» вызвали соседи.

– Ты куда это собралась? – спросила Мария, видя, что сестра красится перед зеркалом.

– Это хорошо, что у нас с тобой выходные совпали, – ответила Татьяна, – вместе пойдем.

– Куда еще... – вздохнула сестра, зная уже ответ.

– Куда-куда, – весело сказала Татьяна, – на кудыкину гору воровать помидоры! Квартиру пойдем смотреть нашу!

– Давай уж подождем, пока с теткой все образуется. Ну, похороны, отпевание... чтобы все по-человечески...

– Нечего ждать! – Татьяна бросила многострадальный карандаш для бровей. – И так уже сколько ждали...

– Ох, Танька, чувствую я, что не будет нам ничего хорошего... вот такое у меня предчувствие...

– Не дрейфь, Маня, прорвемся!

– Вы чегой-то пришли? – спросил сестер знакомый охранник у фабрики. – Вроде сегодня не твоя смена, Татьяна... прямо дня не можешь прожить без работы?

– А мы к начальству на прием! К Виктор Палычу!

– Так сразу и к начальству... – хмыкнул охранник. – То-то я смотрю, Татьяна так расфуфырилась!

– Завидуй молча! – Татьяна, как всегда, не могла не оставить за собой последнего слова.

Они прошли мимо кондитерского и конфетного цехов к конторе. Поднявшись на второй этаж, Мария оробела и притормозила, зато старшая сестра перла вперед танком.

– Виктор Палыч на месте? – спросила она, сунувшись в приемную, где дебелая секретарша Алена сосредоточенно выщипывала брови перед настольным зеркалом.

– А вам зачем? – Алена дернула слишком сильно и рассердилась.

– По делу! – рявкнула Татьяна. – Тебе докладывать не станем!

Все знали, что управляющий фабрикой Виктор Палыч – солидный немолодой мужик – любит дебелых блондинок, но, по выражению местного шутника, «странную любовь», то есть продолжается эта любовь ровно год, после чего секретарше вежливо указывают на дверь, а ее место занимает такая же слобная блондинка, желательна натуральная, но и крашенная тоже сойдет.

Алена работала секретаршей уже десять месяцев, то есть срок подходил к концу, поэтому Татьяна с ней не церемонилась.

– Нет его, – прошипела Алена, – в цех вызвали, там конвейер встал.

– Врешь! – остервенилась Татьяна. – Я же не глухая, слышу, что он работает!

– Значит, починили конвейер. – Алена равнодушно пожала плечами, и тут широко распахнулась дверь и вошел управляющий, как всегда хмурый с утра.

– Вы чего это тут? – буркнул он, увидев сестер.

– А я им говорила, что вы не принимаете, а они... – влезла Алена, но начальник мотнул головой, чтобы замолчала, и открыл перед сестрами дверь кабинета.

– Ну? Какое у вас дело?

– Вот! – Татьяна жестом фокусника выложила на стол бумагу, что дала им Анна Ильинична при последней встрече. – Вот квартира теперь наша, хозяйка нам ее отдала!

– Это чтой-то? – Виктор Палыч достал из ящика стола очки и углубился в чтение бумаги.

Надо сказать, что много времени ему не понадобилось. Он отложил документ и посмотрел на сестер поверх очков. Глаза его весело блестели. Татьяна сочла это хорошим знаком, более осторожная Мария забеспокоилась.

– Значит, квартира, – Виктор Палыч хмыкнул. – Значит, Анна Ильинична вам ее отдала?

– Отдала! – энергично подтвердила Татьяна.

– Насовсем?

– Насовсем, там же написано... вот, я, такая-то... и наши паспортные данные, все честь по чести. Так что не надо резину тянуть и переспрашивать, все же ясно!

– Ясно? – Управляющий опустил голову и покусал губы. – Ну ладно, тогда пойдем квартиру смотреть!

И он распахнул перед сестрами дверь. Татьяна прошла мимо секретарши, гордо подняв голову, Мария глядела исподтишка. Что-то не давало ей покоя, возможно, слишком веселые глаза управляющего Виктора Палыча. Все знают, что человек он суровый, особенно с утра, так с чего это его сейчас так разобрало?

Они вышли из конторы, причем сунувшейся к нему по дороге бухгалтерше Зинаиде управляющий сказал, чтобы зашла после, сейчас у него важное дело, прошли мимо цехов и свернули по тропинке, почти скрытой разросшимися кустами. Через три минуты подошли к двухэтажному деревянному, довольно большому дому.

– Ну? – спросил управляющий. – Вот и пришли.

– Точно, тут раньше они жили, на втором этаже квартира, вон окна... – затараторила Татьяна и замолчала, ощутив удар в бок.

Она подняла глаза и оторопела. На втором этаже окон не было. На первом были – небольшие, забранные железными решетками, а на втором – ни одного. И следа тех окон не осталось, аккуратно так были они забиты досками.

– Это как это? – не удержалась Мария, в то время как Татьяна молча пялилась на дом. – Там же света дневного нету!

– А вы войдите, посмотрите, может, что и поймете... – сдавленным голосом сказал Виктор Палыч.

И снова Марии очень не понравился его голос, слишком веселый. Но Татьяна уже бодро взбежала по ступенькам, и Мария за ней поспешила войти.

Помещение показалось им очень большим, потому что не было никаких перегородок. И потолка не было, снизу видны были стропила и крыша.

– Что это? Где же квартира? Три комнаты и кухня... – растерянно заговорила Татьяна.

– А нету. – Управляющий не удержался и фыркнул: – Давно уже нету никакой квартиры. Дуры вы деревенские, – вздохнул он, разглядев опрокинутые лица сестер, – напарила вас Анна Ильинична, уж конечно, не тем покойница будь помянута.

– Может, она не знала...

– Все она знала, ведь как только построил Николай Федорович дом в стороне от города, так квартира пустая стояла. А внизу тогда лаборатория была, так ее в другое место перевели, отдельное помещение выделили, потому как там оборудование новое, дорогое. А этот дом Голубев распорядился под склад отвести. Ну, перекрытия сломали, чтобы просторней было, вот и все.

– А как же бумага, документ... она сама нам дала...

– А документ этот... – управляющий побагровел от злости, – его и в сортире нельзя использовать, жесткий очень! И идите вы уже отсюда, не смешите людей! Я уж так и быть, никому не скажу, а то весь город над вами потешаться будет!

– Сволочь какая эта тетя Аня оказалась, – ругалась Татьяна по дороге, – хорошо, что она умерла, а то бы я ее сама, своими руками... не задумываясь...

– Тише ты! – сестра дернула ее за руку. – Говорила я тебе, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Ты говорила... – неожиданно согласилась Татьяна. – И с чего это я ей поверила? Ведь она нас всю жизнь терпеть не могла и маманьку вечно гнобила. То убирает мать плохо, то ложки серебряные пропадают... Сама спрячет, потом найдет, зараза. Условие поставила – нас в дом и на порог не пускать. А только мы ведь все равно лазили к маманьке, когда ее дома не было, верно?

– Верно...

– Особенно ты. Все тишком да молчком, а ведь все углы в том доме облазила.

– Ну да...

– Эх, знать бы, что они сбегут и дом их сгорит, сколько всего взять можно было бы! – вздохнула Татьяна. – Там добра было навалом, немерено, все прахом пошло, в огне сгорело... И ведь ничегошеньки не брали мы, мать строго-настрого наказала, боялась, что Голубев ее уволит. Верой и правдой им служила, дом вылизывала, каждую рубашку ему по два раза переглаживала. Ну, за то хозяйка нас и отблагодарила... Мань, ну ты скажи, откуда такие сволочи берутся?

Сестра не ответила.

На следующее утро Григорию позвонили из больницы и сообщили, что врачи дали свое заключение о смерти его тети и что тело выдадут завтра. Козловск – город маленький, так что возле ЗАГСа, где он оформлял документы, он встретил Ксению, которая вышла, как она сказала, прогуляться. На самом деле ей хотелось осмотреться.

– Здравствуйте, родственник! – обрадовалась она. – Вы позволите вас так называть?

– Если вам так нравится... – Он улыбнулся и с удовольствием оглядел ее.

Сегодня было тепло, и на Ксении было открытое летнее платье, все же неярко, в неявный рисунок. Волосы забраны высоко, открывая длинную, красивую шею. Она сняла темные очки и улыбнулась ему дружески, приветливо.

Отчего-то с этой молодой женщиной ему было легко. Они шли по главной улице, встречая знакомых. Мужчины смотрели на Григория с завистью – ишь какую красотку отхватил, женщины делали вид, что ее не замечают.

– Вы, я смотрю, очень популярны... – усмехнулась Ксения.

– Просто маленький город, – вздохнул он. – Все друг друга знают. О, Михаил!

Это тоже был родственник, муж той самой неприятной Эльвиры, да вот она и сама рядом с ним. Сегодня Эльвира была преувеличенно любезна с Григорием, даже ласково погладила его по руке.

Ксения рассматривала Михаила. С виду – полный тюфяк, хотя здоровый, крупный мужчина. Если бы убрать с лица это выражение преувеличенного равнодушия ко всему на свете, и уныло опущенные уголки губ, и тихий невыразительный голос, то мог бы быть и ничего себе. Ну, одеть, конечно, получше, подстричь...

Но ничего этого нет, и жене его не приходит в голову этим заняться. На мужа вообще не смотрит, стреляет глазами на проходящих мужчин, с Григорием преувеличенно любезна. Даже Ксения знает, что она его терпеть не может, потому что завидует наследству. Было бы чему...

– Уф! – Григорий перевел дух. – Откровенно говоря, противная баба эта Эльвира.

– Да я поняла уже.

– Знаете что, Ксения? Давайте посидим где-нибудь, а то получается, что я вас всем показываю, со всеми вас знакомлю, еще поймут неправильно...

– А вы так этого боитесь? – поддразнила его Ксения. – Или вы несвободны?

– Вот как раз в этом плане я абсолютно свободен! – Было видно, что он обрадовался тому, как обернулось дело. Еще было видно, что Ксения ему нравится и он рад, что она его поощряет.

Ксения подумала, что он рад наступающей для него новой жизни: вот и женщины красивые на него внимание обращают. И еще Ксения поняла, что он хоть и не семи пядей во лбу, но все же достаточно умен, чтобы сообразить, что не его это заслуга, а его будущего богатства. Да, больно падать будет, Гриша...

– Можно тут где-нибудь посидеть со вкусом? Я есть хочу! – капризно сказала Ксения. – Только не приглашайте меня в тот пафосный ресторан, как его... «Золотая подкова»?

– «Серебряное копытце», – мягко улыбнулся Григорий. – Он вам не нравится?

– Да как сказать... интерьер бы надо сменить, а то эта псевдороскошь купеческая как-то уже не трогает и не впечатляет. И опять же кофе... это просто кошмар! Вот барменшу Люсю точно нужно уволить и взять мальчишку, который умеет с кофемашиной обращаться и кокошник носить не будет.

– Деловая вы женщина, как я посмотрю...

– Да нет, просто клиент требовательный...

Тут улыбка сбежала с лица Григория, потому что навстречу шли две женщины, очень похожие, только одна крашенная в рыжий цвет, а у другой были свои пегие жидкие волосы.

– Здравсти! – сказала рыжая. – Гуляете, значит? Развлекаетесь? Время приятно проводите?

Вторая дернула ее за рукав.

– Здравствуй, Маня, – сухо ответил Григорий.

– Я Таня! – Она агрессивно сделала шаг вперед. – Что, богатство память отшибло? Может, тебе по голове дать, чтобы мозги на место встали и ты наконец имя мое запомнил?

К чести Григория, он не испугался и не разозлился.

– Что это с ней? – спокойно спросил он вторую сестру. – Выпила с утра пораньше?

– Пойдем, Татьяна, – та потянула сестру за руку.

– И то правда, – согласилась сестра. – Нечего с ним разговаривать, такой же гад, как и тетка его. Яблочко от яблони недалеко падает. Уже девицу себе подклеил, рано радуешься!

– Остынь! – строго сказал Григорий. – Тетю еще не похоронили, а ты... А это, кстати, Ксения Голубева, приехала по приглашению Анны Ильиничны вчера и тетю в живых не застала.

– Это которая Голубева? – недоверчиво спросила Маня.

– Сводной сестры Николая Федоровича дочка. – Ксения улыбнулась довольно холодно.

– А, это Тонька-шалава! – противно рассмеялась вдруг Татьяна. – Маманька рассказывала, как переехали они с матерью к дяди-Колиному отцу, так все парни в деревне из-за нее передрались. Уж так хвостом крутила! Потом сбежала с заезжим художником каким-то... он все портреты ее в голом виде писал.

– Таня, идем! – Сестра настойчиво тянула ее в сторону. – Ну сколько можно...

– Да отстань ты, рот мне не затыкай! – Татьяна махнула рукой, и Ксения перехватила ее в воздухе.

И ждала вроде бы несильно, но лицо Татьяны побледнело и перекошилось от боли.

– Моя мать умерла, – медленно сказала Ксения, – так что придержи язык, не то руку лечить долго будешь.

И ждала сильнее, так что Татьяна стала белая от боли.

– Наша мать тоже умерла! – заторопилась Мария. – Что уж теперь считаться...

– Извините, – пробормотал Григорий, когда эти двое наконец пошли своей дорогой. – Никогда раньше Татьяну такой не видел. Правда, и не общался с ней до приезда тетки много лет.

– Не слишком приятная у вас родня, – согласилась Ксения.

Григорий привел ее в небольшое уютное заведение, которое традиционно для этого города называлось «Семеро козлят». Тут было попроще, чем в ресторане, интерьер тоже в русском духе, что искупалось незатейливым юмором.

На стойке бара стоял очень милый мультяшный козленок, приглашающий при желании опускать чаевые в деревянную бадейку рядом с ним.

Григорий с Ксенией сели в уголке под картиной местного художника, где коза с волком пили чай на уютной террасе довольно большого загородного дома, а козлята на лужайке готовились запускать ракету на Марс.

– Расскажите мне о вашей тете, – попросила Ксения за едой, и Григорий послушно это сделал.

И хоть он старался сглаживать углы и опускать неприятные подробности, Ксения поняла, что покойная его тетка была женщиной скверной, скандальной и очень злопамятной. К родне относилась плохо, так с чего это вдруг притащила сюда из своей Америки? Дела в порядок привести, племяннику фабрику завещать? Странно все же, не похоже на нее...

– Извините! – Григорий прервался и схватился за телефон, увидев, что пришло сообщение. – Обещали прислать подробное медицинское заключение.

Он прочитал и помрачнел.

– Вот, значит, что... Она была больна. То есть в таком возрасте, конечно, у всех букет каких-то болезней бывает, но одна, они пишут, смертельная, неизлечимая. Несколько месяцев ей осталось, так что инфаркт смерть только ускорил, что к лучшему, без мучений...

Ну что ж, подумала Ксения, возможно, тетка перед смертью решила сделать доброе дело. Хотя, конечно, сомнительно.

В свое время она посещала курсы по практической психологии, это входило в обязательное обучение. Так вот там преподаватель говорил твердо: люди не меняются. Характер может измениться только от каких-либо необратимых процессов в мозгу. У тетки же, судя по рассказам, с головой было все в порядке.

Велик и прекрасен дворец царя Соломона.

Двадцать лет строили его тысячи наемных строителей и десятки тысяч рабов со всего света. Одних надсмотрщиков работало на этой стройке не меньше полутора тысяч. Несметное количество белоснежного мрамора из лидийских каменоломен пошло на него, несметное количество драгоценного дерева с ливанских гор, несметное количество слоновой кости из далекой Нубии, несметное количество золота и серебра из согдийских копей.

Поражает царский дворец своей красотой и величием, нет равных ему нигде под луной. Чернокожие рабы внесли паланкин во дворец, поставили его на мраморный пол.

Служанка отдернула шелковую занавеску, и из паланкина вышла высокая статная женщина с величественной, поистине царственной осанкой. Царица была закутана в покрывало из расшитого золотом виссона, под которым виднелся пурпурный хитон. Лицо ее скрывала густая вуаль из переплетенных золотых нитей.

Грациозной походкой царица пересекла зал и остановилась перед ступенями трона.

Царь Соломон во всей славе восседает на золотом троне.

Он – в самом расцвете красоты и силы, недавно достиг царь лучшего возраста для мужчины – сорока лет. Черные волосы струятся по его плечам, густая черная борода завит по ассирийской моде и по той же моде подкрашена красной охрой, сверкают в ней редкие серебряные нити седины, черные глаза сияют, как два драгоценных карбункула, мудрость светится в этих глазах.

Встал царь со своего трона, дабы почтить гостью, спустился ей навстречу, проговорил благосклонно:

– Здравствуй, царица Савская! Здравствуй на радость всем нам! Рад видеть тебя в моем скромном жилище! Какая счастливая звезда привела тебя в Еришалаим?

– Здравствуй и ты, царь! Услышала я о твоей мудрости и пожелала убедиться в ней своими собственными глазами и своим скромным женским разумением.

– Слухи о моей мудрости сильно преувеличены. Но если ты хочешь задать мне какие-нибудь вопросы – я готов выслушать твои вопросы и ответить на них. Но только прежде прошу тебя, царица, позволь мне увидеть твое лицо! Я слышал, что оно прекрасно, как майская заря, но знаешь, как говорят – лучше один раз увидеть, чем тысячу и один раз услышать.

– Лишь один мужчина на этом свете видел мое лицо, и этот мужчина – мой отец, мир его праху. Но из уважения к тебе, царь, я подниму свою вуаль. Но только если ты отошлешь прочь своих слуг.

Царь одним движением бровей отослал слуг из покоя, и тогда царица и правда подняла сетку из золотых нитей.

Соломон увидел ее лицо – и впрямь прекрасное. Но напоминало оно не майское утро, а яркую вечернюю зарю. Зеленые глаза мерцали, как две первых звезды, засиявшие на вечернем небе, нежные губы казались выточенными из розового коралла.

И было в лице царицы еще что-то – ум, слишком острый и пронизательный для женщины.

– Тот, кто сказал, царица, что твое лицо прекрасно, как майская заря, бессовестно солгал. Твое лицо в сотни раз прекраснее зари!

– Ты умеешь очень красиво говорить, царь, – проговорила Балкида и вновь опустила вуаль, закрыв свое лицо. – Но теперь я все же хочу узнать, правду ли говорят люди о твоей мудрости. Ты не возражаешь, если я испытаю ее?

– Прошу тебя, царица!

Царица Савская взмахнула рукой, и тотчас рядом с ней появилась юная служанка, в руке которой был алмаз величиной с лесной орех. По знаку госпожи девушка подала этот алмаз Соломону.

– Неплохой камень, – проговорил тот, разглядывая алмаз. – Прозрачный и довольно большой. Но в нем есть изъян, и преобладающий, который понижает цену камня...

– Верно, царь. В этом камне есть извилистое отверстие, проходящее его насквозь, как то, что прогрызает червь в яблоке. Так вот, если ты так мудр, как о тебе говорят, ты сможешь протянуть сквозь это отверстие шелковую нитку.

Соломон внимательно посмотрел на алмаз, потом поднял глаза на царицу и проговорил с улыбкой:

– Это легкая задача, о прекрасная, тем более что ты сама подсказала мне ответ.

– Я? Подсказала ответ?

– Да, когда сказала, что это отверстие наподобие того, которое червь прогрызает в яблоке.

Он позвонил в колокольчик, вызвав служанку, и велел ей принести шелковичного червя.

Не прошло и минуты, как царю принесли шкатулку черного дерева, в которой лежала личинка шелкопряда.

Соломон запустил червя в отверстие алмаза.

Царица Савская с интересом следила за происходящим.

Шелковичный червь пополз по извилистому ходу, стремясь выбраться на свободу и оставляя за собой тонкую шелковую нить.

Не прошло и нескольких минут, как он выбрался из алмаза, оставив за собой нитку.

– Что ж, царица, ты видишь, я справился с твоей первой задачей!

– Ну, эта задача была очень проста! Посмотрим, справишься ли ты так же легко со следующей...

Она задумалась на мгновение и произнесла:

– Скажи, царь, кого хоронят прежде, чем он умрет?

– Зерно, – ответил Соломон.

– Что ж, и это было просто... а вот еще одна загадка. Кто неподвижен, пока жив, и движется после смерти?

– Нет ничего проще. Это дерево, из которого, срубив его, делают корабль.

– Верно... но хватит уже детских загадок. Вот еще одна задача, посложнее прежних...

Она снова хлопнула в ладоши, и слуги по ее приказу привели пятьдесят детей одного возраста, одинаково одетых.

– Здесь поровну девочек и мальчиков, – сказала царица Соломону, – сможешь ли ты узнать, кто из них кто?

– Нет ничего проще!

Соломон позвал своих слуг и велел им высыпать на пол мешок орехов, а потом разрешил детям взять себе, кто сколько пожелает.

Часть детей собрала немного орехов в рукава своих платьев, часть подогнула подол и набрала туда орехов.

– Вот тебе и ответ, царица! Те, кто собрал орехи в подол, – мальчики, те, кто постеснялся задрать подол, – девочки...

– Что ж, ты и правда мудрейший из мудрых!

– Ты очень добра ко мне, госпожа! – проговорил Соломон с поклоном. – А теперь, царица, позволь провести тебя в соседний покой... там нам подадут скромное угощение...

Ксения распрощалась с Григорием, который дал понять, что займется теперь похоронными делами, и пошла в гостиницу.

Дверь ее номера была открыта, из номера доносилось гудение пылесоса и какой-то приглушенный мелодичный голос.

Она вошла внутрь. Симпатичная горничная в наушниках пылесосила ковер и вполголоса подпевала неслышной мелодии.

Заметив Ксению, горничная испуганно моргнула, выключила пылесос, сняла наушники:

– Извините, я вас не услышала... если я не вовремя... если мешаю, я приду позже...

– Нет-нет, продолжай. Я только хотела спросить... у вас ведь здесь жила Анна Ильинична Голубева...

– Ну... да... – Горничная отчего-то смутилась. – Да... Анна Ильинична жила...

– И умерла, – припечатала Ксения.

– Ох... – Горничная отвела взгляд. – Нам вообще-то не велели об этом говорить.
– Ну да, для гостиницы это плохая реклама. Но я-то об этом все равно уже знаю. Я – племянница Анны Ильиничны.

Ксения не стала уточнять сомнительную степень их родства.

– Ну да... я в курсе... – промямлила горничная.

– Горничные всегда все знают. Так все же, кто из девушек ее обслуживал?

– Ну, я и обслуживала. У нас вообще мало горничных... клиентов тоже не так уж много, поэтому лишний персонал держать нет смысла. Только расходы.

– Ага, значит, ты. Это очень удачно. Как я говорю, горничные всегда все знают. Так расскажи мне, что моя тетя делала, с кем встречалась, куда ходила?

– Ну... встречалась она только со своей родней. Они к ней по очереди приходили. Потом она банкет устроила...

– Только с родней? Больше ни с кем?

– Ни с кем... – протянула девушка, но по ее тону Ксения почувствовала, что она чего-то недоговаривает.

– Так-таки ни с кем? – настойчиво повторила Ксения.

– Ну... нам лишнего болтать не положено... вообще не положено обсуждать постояльцев с посторонними.

– Я же не посторонний человек, я тоже постоялец, а кроме того, я ее племянница!

– Ну да... у меня зарплата маленькая, и потерять ее не хочется... у нас в городе с работой плохо...

– Насчет маленькой зарплаты намек поняла. – Ксения достала купюру и протянула девушке. Та молниеносно спрятала деньги в карман и заговорила вполголоса:

– На второй день по приезде ваша тетя попросила вызвать ей такси. Причем не к главному входу, а к служебному. Таксист приехал быстро, но ему пришлось подождать, она тут с пожилым мужчиной разговаривала. А потом уехала, а куда – я не знаю...

– Зато ты наверняка знаешь, кто ее возил. Ведь это ты каждый раз вызываешь такси для постояльцев и наверняка знаешь всех водителей, правда?

– Ну да... – Горничная снова замаялась.

– Ах, ну да – насчет маленькой зарплаты... – Ксения протянула девушке еще одну купюру. – Знаешь, как мы сделаем? Ты мне сейчас вызовешь такси, причем того же водителя, который возил тетю.

– Нет проблем...

Горничная достала мобильный телефон, набрала номер и проговорила вполголоса:

– Рахмулла, подъезжай к гостинице, для тебя есть пассажир! Все как обычно!

Через несколько минут к подъезду гостиницы подкатил новенький «Ниссан». Смуглый водитель выглянул, помахал горничной:

– С меня как обычно, Мила-джан!

Затем он повернулся к Ксении:

– Прошу садиться, карета подан!

Ксения села на переднее место.

– Куда едем? Магазин, ресторан, фитнес? Рахмулла все знает, ты только скажи!

– Рахмулла, это ведь ты несколько дней назад возил отсюда пожилую женщину?

– Старый женщина? Не помню...

– А ты постарайся вспомнить! – Ксения пошуршала перед водителем купюрой.

– Да, возил старый женщина... – проговорил тот, грустно следя за деньгами, – хороший женщина, много на чай давал... просил никому не говорить, куда ездили...

– Вот ты мне и не говори, ничего не говори, ты просто отвези меня туда же, куда ее возил. Я тебе тоже хорошо заплачу.

– Почему не отвезти? Можно отвезти! Про то, чтобы не возить, старый женщина ничего не говорил!

Машина тронулась, быстро миновала главную улицу Козловска, проехала мимо ювелирного магазина, мимо бистро «Семеро козлят», мимо ночного клуба «Коза Ностра».

Скоро современные городские дома кончились, теперь «Ниссан» ехал через пригород, где, казалось, еще не наступил двадцать первый век – по сторонам от дороги стояли одноэтажные бревенчатые домики, обшитые вагонкой, окруженные нарядными палисадниками, в пыли на обочине гуляли куры, гуси и кошки.

Вдруг водитель затормозил возле приземистого одноэтажного дома, над входом в который висела вывеска «Свежее мясо».

– Что, уже приехали? – спросила Ксения. – Она что же, за мясом ездила?

– Нет, здесь старый женщина выходила, мясо купила, потом дальше поехала.

– Мясо? – переспросила Ксения.

Странно, очень странно... Анна Ильинична уже много лет сама не готовила, ей все подавали в готовом виде. Зачем ей понадобилось покупать здесь мясо?

Но раз она заходила в этот магазин, значит, Ксении тоже нужно сюда заглянуть.

Ксения велела водителю ждать, зашла в магазин, огляделась.

За прилавком скучал рослый детина в окровавленном фартуке, с волосатыми руками, сложенными на животе. Перед ним были разложены куски говядины, свинины, куриные тушки и всевозможные мясные полуфабрикаты.

– Чего желаете, девушка? – осведомился мясник, оживившись.

– К вам тут на прошлой неделе заходила пожилая женщина... Вы ее помните?

– Ко мне каждый день пожилые тетki заходят. Каждую разве упомнишь? Вот такую молодую красивую я бы точно запомнил.

– Ну, она не из ваших обычных клиенток. Она приезжая, выглядит вообще как иностранка...

– Так это вы про миллионершу, что ли? Которая из Америки приехала да здесь и померла?

– Ну да, она самая. Надо же, весь город про нее знает... тетка моя, между прочим...

– Ну, так бы сразу и говорили. Ну, эту я, конечно, помню. Заходила ко мне...

– Ну, вот я сейчас и говорю. Так вот, раз вы ее помните, может, вспомните, что она покупала?

– Вот это точно помню. Я, может, не каждого покупателя помню, но каждую покупку – это точно. Тетушка ваша купила четыре свиные отбивные. Очень, кстати, хорошие.

– Верю. И куплю у вас такие же.

– Будет сделано... – Мясник быстро взвесил четыре отбивные, аккуратно упаковал.

– Может, еще шашлычок возьмете? Лето, самое время для шашлыков.

– Нет, вот как раз времени у меня нет!

Ксения вышла из магазина, села в машину и скомандовала:

– Поехали дальше!

Они поехали дальше между деревенскими домиками, но скоро и они кончились, и улица превратилась в пригородную дорогу, по сторонам которой росли березы и осины.

Эта дорога петляла среди рощ, то взбегая на холм, то спускаясь в низину. Через полчаса впереди снова показались деревенские дома – «Ниссан» подъехал к небольшой деревеньке.

Однако через нее машина проехала, не останавливаясь.

Сразу за деревней был большой участок, огороженный высоким забором, за которым был виден полуобгоревший дом.

Машина остановилась.

– Вот сюда она и приехала! – объявил водитель, повернувшись к Ксении. – Конец маршрута!

– Что – именно сюда она ездила? – с сомнением проговорила Ксения, глядя на обгоревшие стены.

Она вспомнила материалы, которые изучила перед поездкой в Козловск. Там упоминался загородный дом, принадлежавший Голубевым и сгоревший перед самым их неожиданным отъездом за границу. Похоже, это именно он...

Решила тетушка, стало быть, посетить родное пепелище, поплакать, вспомнить счастливые годы... Ой, не верится что-то! Не похоже на покойную Анну Ильиничну!

– Сюда, сюда, прямо сюда! – подтвердил Рахмулла.

Водитель явно забыл о просьбе Анны Ильиничны никому не рассказывать об их поездке.

– Старый женщина вышел, велел Рахмудле подождать, зашел в этот дом и долго не выходил. Потом вышел, обратно поехал, хорошо заплатил, много на чай дал... Хороший женщина!

– Это я уже поняла, не бойся, про чаевые не забуду. Ладно, ты меня тоже здесь подожди...

Ксения вышла из машины, подошла к забору.

Ворота были заперты, но рядом с ними была неприметная калиточка. На ней висела выгравированная табличка «Осторожно, злая собака». На этой табличке было и изображение собаки – страшного зверя с грозно оскаленными зубами.

Ксения с сомнением взглянула на эту табличку, толкнула калитку и вошла внутрь.

За забором обнаружился пустырь, заросший бурьяном и лебедой, посреди которого стоял тот самый полубогоревший дом, который Ксения видела из-за забора. За домом виднелись остатки сада – несколько сухих деревьев, а которые не сухие, те выросли криво, кое-как, видать, тоже от огня пострадали.

Ксения снова осмотрела дом. Когда-то дом этот был большим и красивым. Впрочем, большим он был и сейчас, но от былой красоты остались только воспоминания. Стены были местами обрушены и всюду покрыты копотью, в половине окон отсутствовали стекла – должно быть, они вылетели во время пожара. Крыша тоже прогорела и местами провалилась, кое-где сквозь нее проросли деревья.

В стороне от этого дома был еще один домик, значительно меньше, но не тронутый пожаром и с виду вполне жилой. Должно быть, в прежние времена это был домик для прислуги. Может быть, и сейчас там обитает сторож, присматривающий за развалинами.

Ксения двинулась к этому дому, но не успела пройти и половины пути, как вдруг из высокой травы безмолвно вылетела огромная собака – кавказская овчарка весьма солидных размеров, кстати, очень похожая на изображение на табличке.

Она не лаяла, но и без того выглядела весьма устрашающе.

Остановившись в двух шагах от Ксении, зверюга оскалила желтоватые клыки и грозно зарычала.

– Спокойно, спокойно! – проговорила Ксения, инстинктивно попятившись. – Хорошая собачка, хорошая...

Она знала, что в подобной ситуации главное – не показать свой страх. Но это было самое трудное.

Собака рычала и медленно приближалась.

И тут Ксения вспомнила, что держит в руке пакет из мясного магазина...

Она осторожно, стараясь не делать резких движений, залезла в этот пакет, вытащила одну отбивную и бросила собаке. Та мгновенно проглотила угощение, облизнулась и недвусмысленно взглянула на девушку – как, это все? А больше у тебя нет таких вкусных кусочков? А то я и распробовать-то не успела!

Так вот зачем Анна Ильинична зашла в тот магазин и купила отбивные! Она знала об этой собаке и приготовилась к встрече с ней! До чего же хитра была покойная!

Ксения выудила из пакета вторую отбивную и бросила ее овчарке.

Та быстро расправилась с мясом и снова смотрела с ожиданием. Рычать она перестала, точнее, чуть слышно взрыкивала от удовольствия и предвкушения.

– Ну, вот тебе еще кусок! – Ксения положила перед собакой третью отбивную и, пока та ела, подошла ближе и осторожно погладила ее по мощному загривку. Собака не возражала, даже показала, что ей это приятно. А Ксения тем временем нащупала на ошейнике жетон и прочитала на нем имя – Зежа.

– Ну вот и познакомились! – проговорила она, ласково поглаживая дожевывающую мясо собаку. – Ты, оказывается, девочка! Зежа, Зеженька, хорошая девочка...

Зежа доела мясо и взглянула на Ксению благосклонно.

Последний кусок Ксения решила приберечь на крайний случай.

Она снова потрепала собаку по загривку и сказала:

– Пойдем, познакомь меня со своим хозяином.

Она направилась к домику для прислуги, рассудив, что там наверняка живет сторож, который сможет рассказать о последнем визите Анны Ильиничны.

Зежа трусила рядом, преданно заглядывая в глаза девушки.

Так вдвоем они подошли к дому.

Ксения толкнула дверь, прошла прихожую, вошла в жилую комнату и чуть не задохнулась от запаха застарелого перегара.

На незастеленном диване спал небритый тип неопределенного возраста. Рядом на полу валялось несколько пустых бутылок, тут же были черствые корки и шкурки от сосисок.

– Это твой хозяин? – повернулась Ксения к Зеже, которая вошла в комнату следом за ней.

Собака смущенно рыкнула – мол, сама понимаешь, подруга, хозяев, как и родителей, не выбирают!

Ксения подошла к сторожу и потрясла его за плечо:

– Эй, друг, просыпайся, разговор есть!

Тот, однако, только пробормотал что-то нечленораздельное.

– Да просыпайся же! – Ксения тряхнула его посильнее.

– Зежа, так тебя и разэта, пошла вон... – прохрипел сторож. – Жрать хочешь? Поищи сама что-нибудь... – И с этими словами он отвернулся к стене и громко захрапел.

– Так, с этим все ясно... – вздохнула Ксения. – Вот уж наняли дармоеда! Хоть бы сорняки во дворе скошил!

Помощи от него ждать не приходится... но хоть мешать не будет. Придется самой разбираться. Пошли отсюда, Зежа!

Она вышла из домика, направилась к большому дому.

Если Анна Ильинична приехала сюда в надежде что-то найти, она побывала именно там...

К центральному входу вели широкие ступени.

Как и все здесь, они были покрыты толстым слоем копоты. На этом слое не было видно никаких свежих следов – выходит, Анна Ильинична здесь не проходила...

Ксения обошла дом по периметру и в боковой стене обнаружила еще одну дверь, не такую приметную. К ней тоже вели крутые ступеньки, покрытые копотью, и вот на них Ксения увидела следы маленьких, почти детских ног.

Ясно, значит, хозяйка вошла в дом через эту дверь, в то время как сторож дрыхнул как обычно.

Дверь была не заперта, и Ксения вошла внутрь.

Зежа осталась снаружи перед входом – видимо, ей было не велено входить в дом. А может, сама не хотела – там пыль, грязь и застарелым дымом пахнет.

За дверь была небольшая прихожая, стены и пол которой были густо покрыты копотью. На этом черном покрытии, как и на ступенях крыльца, отчетливо виднелись маленькие следы – видно, именно здесь прошла Анна Ильинична.

Все же зачем она сюда приехала? Что она здесь делала? Предавалась сентиментальным воспоминаниям, вспоминала давно минувшее – или что-то искала?

Если она приехала сюда ради воспоминаний – зачем обставила свою поездку такой секретностью? Почему попросила подать машину к служебному входу, почему велела таксисту никому не рассказывать об этой поездке?

Маленькие следы пересекли прихожую, прошли через то, что когда-то было жилой комнатой, миновали измазанную сажей изразцовую печь, подошли к следующей двери.

За этой дверью была лестница, ведущая на второй этаж.

На ступенях этой лестницы тоже были следы.

Ксения поднялась, ступая осторожно, и оказалась в коротком полутемном коридоре. Дальше была еще одна лестница, ведущая на чердак. Приглядевшись к ступеням, Ксения нашла на них уже знакомые следы и пошла вперед.

Она поднялась на два пролета – и вдруг наверху у нее раздался громкий шум, над головой что-то заметалось.

От неожиданности Ксения попятилась и чуть не свалилась с крутой лестницы, но вовремя остановилась, ухватившись за перила, и поняла, что это всего лишь голуби, которые облюбовали чердак заброшенного дома и напуганы ее появлением.

Голуби успокоились и расселись по прежним местам. Ксения тоже успокоилась, отдышалась и продолжила свое расследование.

Для начала она огляделась.

На чердаке следы пожара были особенно заметны. Стропила над головой обгорели, некоторые сломались, от крыши местами вообще ничего не осталось, и через широкие проломы светило солнце. Из-за этого сажу на полу частично смыло дождями, но, приглядевшись, Ксения все же нашла следы Анны Ильиничны. Они пересекали чердак и прервались около печной трубы.

Труба была сложена из кирпичей, как и все в этом доме, густо покрытых копотью.

Один кирпич был заметно чище остальных, должно быть, его совсем недавно трогали.

Не просто трогали – этот кирпич явно вынимали, а потом поставили на место, но он немного выступал из кладки.

Ксения достала складной нож, подцепила этот кирпич и без труда вытащила его.

За кирпичом оказалось пустое пространство.

Вот оно что!

Анна Ильинична приезжала сюда не за воспоминаниями.

Она приезжала, чтобы проверить тайник.

Но вот что она нашла в этом тайнике, и нашла ли?

Ксения запустила руку в тайник, пошарила в нем, вымазала руку в застарелой паутине, но нащупала только какой-то маленький клочок ткани.

Достала его, внимательно осмотрела.

Это был кусочек шелка, когда-то изумрудно-зеленого, но потемневшего от времени и непогоды. Прежний цвет проглядывал только в одном месте. Ксения положила этот обрывок в полиэтиленовый пакетик, спрятала в карман.

Вряд ли она найдет здесь еще что-то.

Она спустилась по лестнице, вышла из дома. Зежа ждала ее перед крыльцом. При появлении девушки она вскочила и негромко взлаяла – мол, что-нибудь интересное нашла? А то пойдём, погуляем, я тебе покажу много интересного...

– Спасибо, подруга, только мне пора! У меня, понимаешь, еще много дел...

Зежа поняла и грустно вздохнула.

Чтобы немного утешить ее, Ксения отдала собаке последнюю отбивную. Та съела мясо скорее из вежливости – ей было жаль расставаться с новой подругой.

В сопровождении Зежи Ксения дошла до калитки, вышла, подошла к машине.

Рахмулла дремал за рулем, дожидаясь ее.

При появлении девушки он встрепенулся, протер глаза и спросил настороженно:

– А эта собака откуда?

– А это моя новая подруга. Она здесь служит. Не бойся, она с нами не поедет.

– Конечно, не поедет. – Рахмулла опасливо взглянул на Зежу. – Я собак никогда не вожу, особенно больших... я собак вообще-то не люблю. А куда мы теперь едем?

– А куда поехала отсюда моя тетушка?

– Куда? – переспросил водитель и отвел глаза. – Известно куда... домой... в гостиницу...

Что-то в его тоне показалось Ксении подозрительным. Что-то он явно недоговаривал.

Она пристально взглянула на Рахмулла и строгим голосом проговорила:

– А если подумать?

– Хоть думай, хоть не думай – в гостиницу! А куда ей еще ехать, ты сама посуди?

Ксения взглянула на Зежу и сказала:

– А вот моя четвероногая подруга тебе почему-то не верит. Рассказывай, как все было на самом деле, или она с тобой ближе познакомится!

Умница Зежа придвинулась ближе к машине и зарычала, обнажив желтоватые клыки.

– Не надо! – пролепетал водитель. – Я собак боюсь... меня в детстве алабай покусал... вот, до сих пор на ноге шрам остался... – Он хотел было задрать штанину, но передумал.

Ксения строго свела брови:

– Боишься – так говори правду, а то Зежа с тобой разберется! Правда, девочка моя?

Зева утвердительно рыкнула.

– Ну... я плохо помню, что потом было. То есть, правду сказать, совсем не помню. Помню, как вечером в гараж приехал, хозяину отчет дал, выручку сдал. А только хозяин на счетчик посмотрел и сказал, что на счетчике больше километраж набежал, значит, я дальше ездил, чем ему говорю. Ну, это еще ладно, а вот, говорит, где ты столько времени был? Поглядел я на часы и ахнул – столько времени прошло! А хозяин подозрительно смотрит, ты, говорит, кого обмануть хочешь? Сказал, что, если левачить буду, уволит меня. Но только я не помню, чтобы в тот день левачил, и вообще больше ничего не помню... помню, как ждал здесь старый женщина, помню, как она пришел – а больше все, больше ничего не помню.

– А не помнишь, сколько времени у тебя из памяти вылетело? Час, два, три?

– Вроде часов... – начал водитель и вдруг закашлялся.

– Что с тобой? – спросила его Ксения. – Поперхнулся? По спине тебя похлопать?

И тут она увидела, что глаза водителя широко открылись, он безуспешно пытался вдохнуть и начал заваливаться на бок. Только теперь Ксения заметила у него на горле под подбородком темное дымящееся отверстие, из которого пульсирующими толчками выплескивалась кровь.

А мгновением позже она разглядела крошечное красное пятнышко, которое проползло по груди Рахмуллы, как шустрое насекомое, передвинулось на спинку сиденья...

Тут подключился инстинкт, и Ксения, ни о чем не думая, упала на землю и перекатилась за машину. И только там, лежа в пыли, поняла, что это пятнышко – метка лазерного прицела, что какой-то невидимый снайпер только что застрелил Рахмулла и убил бы ее, если бы не спасительный инстинкт...

Она чуть-чуть приподняла голову, чтобы убедиться, что Рахмулла мертв.

Убедилась. И тут же совсем рядом с ней раздался глухой хлопок, и в воздух поднялся фонтанчик пыли, а потом – еще один.

Она отползла немного дальше, извиваясь ужом, но снайпер стрелял снова и снова.

Тут где-то совсем близко послышалось негромкое рычание. Ксения оглянулась и увидела в нескольких шагах от машины неглубокую канаву, над краем которой на мгновение показалась морда Зежа. Зежа выразительно взглянула на нее и тут же снова спрятала морду.

Ксения поняла намек, проползла разделявшие их шаги и скатилась в канаву.

Здесь было грязно, по дну канавы тек мелкий ручеек, и одежда Ксении сразу промокла, но зато здесь было немного безопаснее.

Ксения уселась поудобнее, согнав с места семью лягушек, и начала размышлять.

Она не знала, кто застрелил водителя и теперь целится в нее – но застрелили Рахмуллу именно тогда, когда он начал рассказывать про свою поездку с Анной Ильиничной. Точнее, про возвращение, которого он странным образом не помнил.

А это значит, что снайпер слышал их разговор и не хотел, чтобы Рахмулла вспомнил тот день...

А как он мог это слышать? Вряд ли он находится так близко. Скорее, в машине Рахмуллы установлен микрофон...

Тут по краю канавы как будто шелкнул невидимый бич.

Снайпер не оставляет попыток добраться до нее...

Ксения оставила свои попытки разобраться в ситуации, она сосредоточилась на выживании.

И снова ей помогла Зежа.

Умная собака, не поднимая головы над краем канавы, поползла вперед, перед этим оглянувшись на Ксению – мол, делай как я!

Ксения поверила ей и поползла следом.

Так они проползли метров двадцать.

Канавка завершилась, и Ксения увидела впереди большую бетонную трубу, в которую уходила их канавка.

Зежа вползла в эту трубу, и девушка последовала за ней.

Труба была длинная, темная, и только в ее дальнем конце виднелся смутный кружок света. То самое, про что говорят «свет в конце тоннеля». По дну этой трубы тек все тот же тоненький ручеек, но здесь все же было безопаснее. На такие пустышки, как колония мерзких слизняков на стенках трубы, Ксения не обращала внимания.

Они с Зежей ползли минут двадцать, наконец кружок света приблизился, стал ярче, и скоро они выползли на свободу, на просторный луг с разбросанными тут и там одинокими деревцами.

С того места, где они теперь находились, не был виден участок и дом Голубевых. Значит, и их оттуда не видно, и здесь снайпер их не достанет.

Зежа уверенно потрусила вперед – видно, эти места были ей хорошо знакомы. Пробежав немного, она оглянулась на Ксению, чтобы убедиться, что та следует за ней.

Так они двигались минут двадцать, пока не приблизились к опушке небольшой березовой рощицы. Здесь Зежа остановилась, выразительно взглянула на Ксению, а потом – на узкую тропинку, которая углублялась в рощу.

– Что, подруга, ты хочешь сказать, что мне нужно идти по этой тропинке? А ты меня здесь покидаешь?

Зежа утвердительно рыкнула.

Ну, надо же, до чего умная собака! Определенно, она понимает человеческую речь, только говорить не умеет.

– Значит, ты сейчас вернешься к своему хозяину? – проговорила Ксения сочувственно. – Но он с тобой плохо обращается... Может, лучше останешься со мной?

Девушка вспомнила пьяного сторожа, пустые бутылки, разбросанные по полу... Нет, умница Зежа достойна лучшей участи!

Зежа подняла голову и печально провыла. Ксения ясно поняла, что собака хотела сказать ей этим воем – что ее хозяин, конечно, не подарок, но хозяев не выбирают, это крест, который она, Зежа, вынуждена нести всю жизнь... и вообще, без нее хозяин пропадет, и это будет на ее, Зежиной, совести...

Собака отряхнулась, как после купания, развернулась и потрусилась в обратную сторону, не оборачиваясь.

Ксения вздохнула и ступила на тропинку, надеясь, что та приведет ее в обжитые и населенные места.

Она быстро прошла сквозь рощу. На опушке этой рощицы был густой молодой малинник, колючие кусты были усеяны крупными, спелыми седоватыми ягодами. Ксения, не сходя с тропы, протянула руку, сорвала несколько ягод, отправила в рот, ощутив их терпкую, наполненную солнцем сладость.

Выйдя из рощи, она оказалась на краю обширной и очень живописной долины, по которой протекала извилистая река, сверкая на солнце, как кривая сабля. По берегам этой реки росли пышные кусты, в ее воду опускались ветви плакучих ив.

Ксения невольно загляделась.

Ей давно не приходилось видеть таких живописных пейзажей!

Тропинка спустилась прямо к реке и привела Ксению к импровизированному мостику, сколоченному из нескольких бревен и положенных на них досок.

Ксения спустилась к воде, умыла лицо и немного почистила одежду, чтобы не пугать людей, которые непременно попадутся ей навстречу. Тут явно начинаются цивилизованные места. Вода в речке была холодная, пахла свежестью, от нее сразу пришла бодрость.

Затем Ксения пошла по мостику. Под ногами у нее звонко журчала прозрачная вода, над ней ввинчивались в воздух бирюзовые шурупы стрекоз.

На другом берегу тропинка продолжилась, невдалеке от реки она превратилась в гравийную дорожку, которая петляла между лужайками, заросшими травой по пояс.

Вскоре с обеих сторон от этой дорожки стали попадаться какие-то хозяйственные постройки – сенные сараи, просторные амбары и просто дощатые навесы.

Все это, однако, пустовало, нигде не чувствовалось человеческого присутствия. Затем Ксения увидела слева от дороги аккуратный одноэтажный домик. Несмотря на его вполне приличное состояние, домик был явно нежилой, окна заколочены, на двери висел большой амбарный замок, лужайка перед домом заросла сорняками, среди которых проглядывали чудом уцелевшие лилии и георгины.

Ксения прошла мимо и вскоре увидела еще один такой же домик, на этот раз справа от дороги. Этот дом был тоже нежилой, с запертой дверью и заколоченными окнами.

Странно... что это за место? Куда девались все здешние жители?

Дорога шла дальше, и, шагая по ней, Ксения увидела еще несколько таких же заброшенных домов. Что здесь случилось? Это было похоже на кадры из фильма о мрачном будущем после какой-нибудь глобальной катастрофы.

Наконец дома кончились.

Ксения шла и шла, никуда не сворачивая, и наконец дорожка привела ее на пригородное шоссе, прямо к бетонному козырьку автобусной остановки.

На этой остановке сидела чистенькая старушка в белом платочке, с корзиной лесной малины.

– Здравствуйте, бабушка! – вежливо проговорила Ксения. – Скоро автобус будет?

– Здравствуй, коли не шутишь, – отозвалась старушка. – Автобус-то... автобус должен быть через полчаса, только он наверняка еще на полчаса опоздает.

– Почему вы так уверены?

– Да потому что водитель – Сенька Петухов, а у него в Задворье полюбовница. Он к ней непременно заедет. Так что не меньше часа нам с тобой ждать.

– Ну что же делать... Какая у вас, бабушка, малина хорошая!

– Да, хорошая ягода, только вот боюсь, испортится на жаре. Хочу на рынок поспеть, продать, да вот на прошлый автобус не успела, а этот еще не скоро будет...

– А вот не знаете ли, бабушка, что за дома пустые здесь неподалеку? Куда все жители подевались?

– А ты, видать, не местная? – Старушка внимательно взглянула на Ксению.

– Нет, не местная... я из Питера приехала, мне про здешние места рассказывали, хотела своими глазами посмотреть.

– Ну вот и посмотрела... – Старушка отвела глаза.

– И правда очень красивые у вас места! Особенно по берегам речки! А вот там, неподалеку, дома стоят, с амбарами и сараями. Отчего они все пустуют?

– Дома это – фермы, их Николай Федорович построил. А пустуют они, потому что он уехал. Без него все и развалилось. Без настоящего хозяина, известное дело, все разваливается.

– Николай Федорович Голубев? – уточнила на всякий случай Ксения, хотя ответ был и так ясен.

– Голубев, Голубев, кто же еще! – уважительно кивнула старушка. – Он здесь землю купил, фермы построил, разводил коров да коз, молочные породы. У него же фабрика рядом была, там чего только из молока не делали! И конфеты сливочные – пробовала небось, «Коза-дереза» называются, и крем для рук и других частей тела, и сыр всякий... Сыр наш даже в самой Германии покупали, вот! Так вот, он и прикинул, что лучше молоко не покупать на стороне, а свое производить. Вот и прикупил землю и устроил эти фермы...

Она немного помолчала, взглянула на Ксению:

– Вот ты говорила, речка тебе понравилась. И правда красивая. Но она не только красивая, в ней вода какая-то особенная. От этой воды и коровы, и козы доятся отлично, и молоко у них такое душистое – не оторваться! А там еще родник есть, Козий источник называется, так в нем вода вообще целебная, от ста болезней помогает! Или даже от двухсот. Приезжали люди из Германии и из Чехии, пробовали, на анализ брали – так только головой качали: нигде такой полезной воды не видели! Хотели с Голубевым договориться, санаторий какой-то построить, да только, видишь, не получилось.

Она тяжело вздохнула, помолчала немного и добавила:

– И всем хорошо было! На фабрике платили прилично, фермеры своим трудом жили, красота! Мои-то тоже здесь на ферме работали, и дочка, и зять. Все у нас было, а сейчас...

– А что же случилось?

– Известно что. Наехали на Николая Федоровича какие-то, то ли тамбовские, то ли измайловские. Он понял, что дело плохо, не стал бороться, а уехал по-быстрому.

– А кому же после этого все его имущество досталось? Тем, кто на него наехал?

– Нет, им ничего не перепало. То ли поубивали они друг друга, то ли посадили их – не знаю, а врать не приучена. Только без хозяина все это хозяйство пришло в запустение, фабрика работает в четверть силы, а фермы, ты сама видела, вовсе обезлюдели. Зять мой, как эта ферма закрылась, запил, да по пьяному делу и разбился на мотоцикле, дочка после его смерти тоже пить начала, а я вот ягоды собираю, чтобы концы с концами свести...

Старушка озабоченно взглянула на корзину и вздохнула:

– Ох, испортится моя малина, не довезу я ее!

Вдруг она встрепенулась:

– Ох, никак автобус едет! Видать, Сенька к полюбовнице не заехал. Не иначе, муж ее домой вернулся. Повезло нам с тобой!

И правда, скоро и сама Ксения услышала звук приближающегося мотора, а потом на шоссе показался выдавший виды рейсовый автобус. Через несколько минут они со старушкой уже благополучно ехали в сторону города.

Ехать было недолго, да еще и общительная старушка всю дорогу что-то рассказывала о своей трудной жизни, но Ксения слушала ее вполуха, одновременно обдумывая свои проблемы.

Во-первых, кто в нее стрелял? Кто убил несчастного таксиста и едва не убил ее саму?

И во-вторых, а точнее – тоже во-первых, что будет, когда возле заброшенного дома Голубевых найдут труп водителя с пулевыми ранениями? Ведь нетрудно будет выяснить, что она, Ксения, была его последним пассажиром, а значит – она станет главным подозреваемым, в крайнем случае – главным свидетелем убийства, а это сделает невозможным выполнение ее работы...

Как ни крути, а ей нужна помощь.

Ксения вспомнила инструктаж перед началом задания и торопливо перерыла содержимое своей сумки.

К счастью, на самом ее дне она обнаружила голубую джинсовую панаму с надписью на английском «Спасем синих китов». Панама была мягкая, но делать нечего – перед тем как автобус подъехал к конечной остановке, Ксения напялила ее на голову.

Автобус неторопливо выехал на вокзальную площадь, обиженно фыркнул мотором и остановился.

Пассажиры потянулись к выходу.

Ксения простилась с разговорчивой старушкой и направилась в сторону гостиницы.

Но далеко уйти от вокзальной площади она не успела. Когда она подошла к переходу, ее схватил за локоть какой-то странный, скрюченный человечек в круглых черных очках и с белой тростью слепого, которой он громко стучал по тротуару.

При виде этого странного персонажа Ксения невольно вспомнила детский стишок про скрюченного человека, живущего в скрюченном домишке.

Возле ног незрячего жалась симпатичная такса. Одно ухо у нее свисало почти до земли, другое было неловко подвернуто.

– Девушка, милая! – залепетал слепой жалобным, тоненьким голоском. – Переведите меня через дорогу... их бин слепой... их бин плохо видит... их бин может под машину попасть!

– А собачка ваша – она не поводырь?

– Это не она, это он, Гастон! И Гастон не поводырь, Гастон – настоящий друг!

Ксения, конечно, хотела помочь несчастному, но не успела ничего сказать, как он совершенно переменял интонацию и даже голос и рявкнул грубым басом:

– Переведи меня, зараза! Переведи слепого человека через дорогу! Китов она, видите ли, спасает, а на слепого соотечественника ей наплевать! А если он под машину угодит, кто будет виноват – Пушкин? Или, может быть, Достоевский?

– Мне не наплевать... – растерянно проговорила девушка. – Я вас, конечно, переведу, но зачем же так грубо? Я ведь не возражаю, не отказываюсь...

– Еще бы ты отказывалась! – прошипел странный слепой. – Еще не хватало! А ну, пошли!

Он буквально силой вытащил ее на проезжую часть.

Ксения пошла вперед, искоса поглядывая на слепого.

Он шел достаточно уверенно, и казалось, совершенно не нуждался в ее помощи. Такса семенила рядом на коротких кривых лапах, то и дело преданно поглядывая на хозяина.

«Какой странный человек! – подумала Ксения. – И правда ли он слепой? Надпись про синих китов вот разглядел...»

Они были уже на середине дороги, когда подозрительный слепой повернулся к ней и проговорил вполголоса:

– В нашей помощи нуждаются не только синие киты, но и многие другие животные.
– Что? – переспросила Ксения, удивленная произошедшей с ним метаморфозой.

Во-первых, голос стал ровным и звучным. Во-вторых, хоть были у него очки и трость, но исчезла скрюченность, он перестал сутулиться и загребать ногами.

– Многие другие, – повторил ее странный спутник. – Например, аксолотли.

Аксолотль! Он произнес то самое условное слово, тот самый пароль, который назвал ей таинственный человек во время инструктажа перед отправкой на задание!

Значит, этот слепой – никакой не слепой, а связной! Впрочем, она уже подозревала, что так оно и есть.

Однако быстро же он отреагировал на ее призыв о помощи! Не успела Ксения надеть панаму, а он уже тут как тут!

– Не верти головой! – прошипел мнимый слепой. – Иди, как шла, а после перехода веди меня в тот скверик перед памятником! – и снова скукожился и стал шарить тростью.

Ксения послушно перевела связного через улицу, свернула направо и вошла в небольшой сквер, посреди которого стоял выкрашенный серебряной краской памятник какому-то неизвестному герою времен то ли коллективизации, то ли индустриализации.

Связной сел на скамейку и лаконичным жестом велел ей сесть рядом. Такса комфортно устроилась под скамейкой. Мнимый слепой достал из кармана пакет с хлебными крошками, принялся сыпать перед собой. Тут же шумно захлопали крылья, и перед ними на дорожку опустилась эскадрилья голубей.

Такса под скамейкой занервничала.

– Гули-гули... – заворковал связной и тут же прошептал: – Ну, что случилось? Какая тебе нужна помощь? Только головой не верти!

– Не учи ученого! – усмехнулась Ксения и коротко изложила связному свои приключения.

– Короче, возле старого дома Голубевых стоит такси, в нем – труп водителя... нужно от него избавиться, чтобы расследование не привело ко мне. Это – первое...

– Сделаем! – отозвался слепой и снова ласково забормотал: – Гули, гули, гули...

Такса под скамейкой еле слышно зарычала.

– Второе, хотя, может быть, как раз первое. Мне понадобится машина. Такси больше брать не хочу – не нужны лишние свидетели, а тем более трупы.

– Нет ничего проще.

– И третье... а впрочем, тоже первое. Нужно выяснить, кто в нас стрелял.

– Это сложнее.

– Понимаю. Но для начала попробуйте узнать все что можно об этой пуле, – и она незаметно положила на скамейку полиэтиленовый пакетик, в котором лежала пуля, подобранная ею на дороге возле машины несчастного Рахмуллы.

– Попробуем! – прошептал «слепой», и пакетик тут же исчез, словно его и не было.

– Когда можно ждать результатов? – спросила Ксения.

Ответа не последовало.

Ксения удивленно покосилась на странного соседа... но его и след простыл, не было и преданного Гастона, Ксения одна сидела на скамейке. И даже голуби разлетелись, поняв, что их больше никто не собираются кормить.

Вернувшись в гостиницу, Ксения приняла душ и переделалась, чтобы снова стать человеком.

Стоя под горячим душем, она думала о результатах своей сегодняшней поездки.

Первым и самым печальным результатом этой поездки была смерть несчастного водителя. Рахмулла ни в чем не был виноват, ему просто не повезло, он оказался не в то время

и не в том месте. Причем не только сегодня, но сначала в тот злополучный день, когда возил Анну Ильиничну на пепелище...

Что он сказал Ксении перед самой своей смертью?

Что не помнит, как возвращался в город. И что ему досталось от хозяина за то, что полдня пропал неизвестно где.

А вот действительно, где он пропал?

Его уже не спросишь, да он и не помнил ничего. Но кто-то еще мог видеть в тот день его машину...

Где-нибудь в Европе можно было бы просмотреть записи с дорожных камер видеонаблюдения, но в окрестностях Козловска таких камер днем с огнем не найдешь.

Но об этом после. Теперь еще один вопрос: какого черта нужно было покойной старухе в бывшем своем сгоревшем доме? Что она искала в тайнике? И нашла ли?

Отчего-то Ксении казалось, что Анна Ильинична ничего не нашла. Стало быть, кто-то другой эту вещь из тайника вытащил. А кто – теперь и не узнать, столько времени прошло.

Мысли Ксении прервал телефонный звонок от Григория, который сообщил, что приехал адвокат его покойной тети, а у него распоряжения насчет похорон.

Оказывается, тетка еще давно распорядилась похоронить ее в Штатах, она жила там в небольшом городе недалеко от Бостона, так что Григорий договорился об отпевании завтра утром, а потом гроб повезут в Москву, а там уж самолетом через океан...

Ну, это уже будут не его проблемы.

Ксения уточнила место и время и отсоединилась.

И тут же стала решать архиважный вопрос: можно ли идти в церковь в единственном черном платье, которое у нее с собой взято?

С одной стороны, нужно быть в трауре, с другой – платье совершенно неподходящее, слишком короткое, без рукавов, да еще сложный вырез на спине.

Да, по всему получается, что идти в нем нельзя. Тогда остается брючный костюм. В церкви всегда прохладно, даже если на улице жара эфиопская.

Утром было прохладно, так что костюм как раз подошел. Ксения купила еще по дороге в церковь темненький шарфик у тетеньки, что торговала на площади разными сувенирами – деревянными раскрашенными петухами, магнитами с изображением той же церкви, салфеточками с вышитым на них гербом города Козловска (очень грозный козел с позолоченными рогами и копытами, а борода расчесана надвое, как у старорежимного генерала).

Тетенька сказала, что утром, конечно, народу немного, а днем торговля идет бойко, козлы всем нравятся.

В церкви было сумрачно и мало народу. У гроба было человек восемь, Ксения уже всех знала. Однако на ее приветствие ответил только Григорий да еще пожилой мужчина в когда-то хорошо сшитом, а теперь весьма потертом костюме. Эльвира в пышном черном платье, которое ей совершенно не шло, и черной же шляпе со слишком широкими полями посмотрела с привычной неприязнью, ее муж, как обычно, держался индифферентно.

Две сестрички, Таня и Маня, стояли рядышком и, увидев, что Григорий тихонько пожал ей руку, тут же неодобрительно зашептались. В последний момент прибежала Василиса – одна и не в черном, а вообще одетая кое-как – юбка в пятнах, платок на голове чуть ли не дырявый.

Эльвира тут же сделала ей замечание, но та только отмахнулась и все отпевание просто-яла, глядя перед собой пустыми глазами. Ушла она раньше всех, перемолвившись о чем-то с осанистым священником отцом Никодимом.

На улице Григорий сообщил, что оглашение завещания покойной назначено на завтра, и заторопился встретить похоронный катафалк, который должен был отвезти гроб к поезду.

У себя в номере Ксения переделалась в незаметную курточку и джинсы и снова покинула гостиницу.

Выйдя на порог отеля, она огляделась.

Совсем рядом с выходом стояла неприметная серая корейская машина, на лобовом стекле которой была прикреплена яркая рекламная листовка:

«Доставка корма для тритонов, аксолотлей и прочих экзотических амфибий».

Аксолотль! Пароль для связи с ее человеком!

Ксения подошла к машине, подергала ручку.

Дверца была заперта.

Ну да, кому придет в голову оставлять открытую машину в Козловске, пусть даже рядом с приличной гостиницей! Но где же ключ?

Тут из-за угла неторопливо вышла такса, подошла к Ксении, остановилась перед ней и очень выразительно заглянула в глаза. Левое ухо у нее, как и прежде, было завернуто.

– Гастон, это ты? – приветливо проговорила Ксения. – Как поживаешь?

Она наклонилась, чтобы потрепать таксу за ушами, – и нащупала прикрепленный к ошейнику небольшой плоский предмет.

Так и есть – ключ от машины!

Ксения взяла ключ, вставила его в дверной замок.

Ключ подошел.

Она повернулась, чтобы похвалить Гастона, – но того уже и след простыл. Он, как и его хозяин, умел внезапно появляться и так же внезапно исчезать.

Ну что ж, свое дело он сделал.

Ксения села за руль, включила зажигание, отъехала от гостиницы и направилась в ту же сторону, куда ездила с покойным Рахмуллой.

Дело в том, что прошлый раз она видела недалеко от выезда из города автозаправку. А на автозаправках даже в Козловске должны быть видеокамеры...

Она ехала не торопясь, соблюдая все правила и посматривая в зеркало заднего вида. Показалось ей или нет, что какая-то синяя «Тойота» держится подозрительно близко?..

Ксения свернула на заправку, «Тойота» проехала мимо. Показалось.

К ее машине развязной походкой подошел долговязый парень с забранными в хвост волосами.

– Полный бак, пожалуйста!

Заправщик наполнил ей бак, и она протянула ему крупную купюру.

– А помельче у вас нет? – протянул парень. – У меня сдачи не наберется... я только что сдал выручку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.